

Александр Ф. Каменецкий

Я — РОБОТ

Александр Феликсович Каменецкий

Я – робот

Серия «Солнечный круг», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35133410

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда утро начинается плохо, не стоит ждать удачного дня. Денис и не ждал. И как в воду глядел: сперва неприятности в школе, потом столкновение на скользкой дороге. Но такого невероятного, причудливого события Денис никак не мог предугадать. Судьба закинула его в другой мир, да ещё и в чужое тело. И вернуться домой, похоже, нет ни единого шанса. Но даже эта беда померкла, когда он внезапно понял, что случайно слышанная им фантастическая история оказалась всамделишной правдой. И зловещие, опасные инопланетяне вовсе не страшилка, рассказанная на ночь. И в этом мире он, пожалуй, один знает их секрет. Может ли простой подросток вступить в борьбу за свободу целого мира? Сражаться не на жизнь, а на смерть? За жизнь и счастье друзей? Да! До последнего вздоха!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александр Каменецкий

Я – робот

*Всё прилично, всё на месте,
Если гнёт обида плечи,
И о правде, и о чести
В пустоту бормочешь речи.
Всё прекрасно, всё как надо...
Эти горести и беды –
Суть бесценнейшего клада,
Зёрна будущей победы.*

Александр Дольский

Глава 1

Утро начиналось отвратительно. А разве утро бывает добрым? Может, у кого и бывает, если его не будит проклятый будильник, не вытаскивает из тёплой постели, не гонит в школу по тридцатиградусному морозу. Первоклашкам повезло: занятия из-за холодов отменили, а седьмые классы учатся. Куда тут денешься?!

Дэн хлопнул по будильнику – тот замолк. Приоткрыл один глаз, взглянул на красные светящиеся цифры – можно ещё минут пять полежать, натянул одеяло повыше. Опять бросил взгляд на часы – ох, вместо пяти минут пролежал все пятнадцать и не заметил.

Дэн, не открывая глаз, откинул одеяло, поёжился – на улице мороз и дома не жарко. Натянул брюки, футболку и сверху тёплый свитер, побрёл в туалет и умываться. Из ванной комнаты уже вышел бодрый, глянул на циферблат – ух, как время бежит! Позавтракать уже не успеет. Одеваться и бегом в школу, как бы не опоздать на уроки.

Успел! Дэн вбежал в школьную дверь, мимо поглядывающего на часы охранника, откинул капюшон пуховика, стал растирать замёрзшие щеки и нос. Зазвенел звонок – Дэн вздрогнул. Что же он так орёт, оглохнуть можно! Быстро снял пуховик, сдал в гардероб и бросился по лестнице на третий этаж к своему классу. А вот теперь он не успел. В

класс зашёл следом за классной руководительницей.

– Воробьёв, почему опаздываешь?

– Холодно, Светлана Анатольевна.

– Всем холодно. Однако все пришли вовремя.

Тут дверь позади Дэна приоткрылась, и в класс, запыхавшись, заскочил ещё один ученик. Увидев Дэна и Светлану Анатольевну, он остановился и повесил голову.

– А у тебя, Романов, что за причина для опоздания?

– Холодно, Светлана Анатольевна, – пробормотал Романов, не поднимая глаз.

– И ты туда же. Быстро на места. Устрою я вам сегодня жару. Достали тетрадки, написали: «Самостоятельная работа».

– А мы тут при чём? Вы не предупреждали! – в классе раздался ропот, выкрики с места.

– Тихо! Что за шум? Не теряйте времени зря. Воробьёв, возьми, раздай всем листочки с заданиями.

Вот они школьные будни. Самостоятельные, контрольные работы, домашние задания невероятного размера. Учителя – тираны. Может, им нравится загружать несчастных учеников непосильной работой? Хотя, если подумать: зачем это им? Потом эти работы проверять надо, оценки ставить – скучища. Так что, наверное, всё это, должно быть, не для их удовольствия, а на пользу ученикам. Только от этого ни легче, ни веселей не становится. Правда, есть интересные уроки. Дэну, например, нравилась химия, особенно когда опыты

на уроках проводили. Физика – тоже ничего, если не начинать всякие формулы писать. В формулах Дэн, само собой, неплохо разбирался, но казались они ему скучными донельзя. Учился Дэн вполне себе неплохо. Не отличник, конечно, но и не двоечник какой. Мог бы и лучше, да не самый покладистый характер портил отношения с учителями, а лень не позволяла освоить всё самостоятельно.

К обеду Дэн окончательно уяснил: если утро началось плохо, день будет тоже не сахар. На большой перемене Дэн со всем классом под радостные крики товарищей и грозные окрики учителей и дежурных добежал до школьной столовой. И с досадой обнаружил, что денег в карманах нет. Куда делись? А никуда! Сам болван! Мама вчера дала деньги на обед, и куда он их сунул? В карман джинсов. А сегодня утром кто-то, не будем показывать пальцем, проспал, торопился и про деньги не вспомнил. Может, взять в долг? Нет, не стоит, придётся обойтись сегодня без обеда. А впрочем, ничего страшного, не в первый раз! Однако в такой ситуации в столовой ему делать совершенно нечего.

Дэн в гордом одиночестве отправился к кабинету химии. В другой день он пошёл бы на школьный двор, прогуляться, но не в такой же мороз. Одна мысль о том, чтобы выйти наружу, заставила Дена поёжиться. В очередной раз поднявшись на третий этаж, Дэн свернул вправо. В закутке возле кабинета было пусто – никого. Дэн скинул лямку с плеча и бросил сумку к дверям класса, дверь качнулась и скрипнув

приоткрылась. Странно. Он заглянул в кабинет: не заперто и ни души. Очень странно. Да и ладно, не придётся сидеть на подоконнике, за это дежурные всегда делали замечания. Дэн подобрал сумку и прошмыгнул в класс. Сунул сумку под парту и сел на своё место, закачался на стуле.

На кафедре (так назывался стол в кабинете химии) стоял штатив и подставка с несколькими пробирками, колба с прозрачной жидкостью. Значит сегодня, будут проводить какой-то опыт. Интересно. Дэн опустил стул на все ножки, с сомнением поднялся и двинул к пробиркам. Прошёлся вдоль кафедры, ведя пальцем по краю стола, разглядывая, читая надписи на склянках. Так, серная кислота – это лучше не трогать. Опасно. Ещё какая-то металлическая блестящая стружка в закрытой банке, магний, что ли? Ой, попадёт лаборантке, если узнают, что дверь забыла запереть.

Дэн оглянулся – никого. Он окрутил крышку на банке и пинцетом вытащил небольшую металлическую стружку, положил на стол. Осторожно потрогал пальцем – никакой реакции, стружка как стружка, на вид такая же, как на уроках труда, может, посветлей только. Взял стружку в руки, повертел. Если это магний, то он должен с водой реагировать и шипеть. Надо попробовать, одной стружки никто не хватится. Дэн бросил крупинку магния на стол и огляделся. О, вот и водичка – на подоконнике стояла пластиковая бутылка, залитая по самое горлышко водой для полива цветов. Дэн осторожно, стараясь не давить на бока бутылки, не расплескать,

принёс и поставил её на стол, рядом с химической посудой. Подобрал магний, окунул прямо в горлышко и сразу вытащил. Металл зашипел и нагрелся. Дэн ойкнул, выронил горячую стружку, затряс обожжёнными пальцами, зацепил бутылку с водой, она грохнулась прямо на подставку с пробирками, та полетела на пол. Осколки пробирок, брызги кислоты разлетелись по полу во все стороны, из лежащей бутылки, на стол, слабо булькая, толчками вытекала вода. Дэн замер в ужасе, глядя на дело своих рук. На звон погрома никто не отреагировал, но это ненадолго. Бежать! Срочно!

Мальчишка заметался, схватил сумку и выскочил из класса. Снаружи по-прежнему никого. Он бегом бросился прочь от кабинета. За углом притормозил, принял скучающий вид и пешком отправился в туалет. Встал у окна. Дыхание его было сбивчивым, руки дрожали – что-то теперь будет. Сами виноваты – дверь в кабинет запирать положено! Ну, это уж он, так. От отчаяния. Виноват, конечно, он. Чёрт его дёрнул, опыты ставить! Посидел бы спокойно в классе, подождал всех, а теперь попадёт. Да и с химичкой, с Еленой Владимировной, считай, отношения испортил. Жаль. Нормальная училка. А может, обойдётся?

Не обошлось, конечно. Это если что хорошее сделаешь, никто не заметит и не вспомнит никогда, а набедокуришь – будут пытаться, пока всю душу не вымотают. Дэн в страхе прокручивал в голове все возможные последствия и оттого не спешил, вернулся к классу перед самым звонком. Еле-

на Владимировна, раздвинув столпившихся у дверей семиклассников, сунула ключ в замочную скважину, покрутила. Ключ не поворачивался. Повозившись, она хмыкнула и потянула дверь – дверь открылась. Она вошла в класс и, сделав несколько шагов, замерла. Ученики напирали, и передние, потихоньку обтекая учительницу, застыли широким полукругом и примолкли, разглядывая последствия погрома. Дэн держался позади всех. Чего он там не видел?!

– Быстро все на свои места.

Ученики загомонили, но торопливо расселись по местам, под горячую руку лучше не попадаться. Елена Владимировна подошла и дёрнула дверь в лаборантскую – заперто.

– А ну тихо!

Активное обсуждение разбитых пробирок потихоньку смолкло. Все смотрели на учительницу. Дэн тоже смотрел, стараясь сделать равнодушный вид, кажется, получалось не очень. Впрочем, возбуждены были все, и на их фоне Дэн не особо выделялся.

– Кто сегодня дежурный по классу?

– Я, – встал Романов.

«Дежурный, – хмыкнул про себя Дэн, – а пришёл в школу после меня».

– Ключ от кабинета был всё время у тебя?

– Да, я же его Вам отдал.

– Почему дверь в класс была не заперта?

– Не знаю, я запер.

– Если ключ был у тебя, а дверь не заперта?

– Я откуда знаю! – повысил голос Романов. – Я запер. Может, лаборантка заходила?

– Её сегодня нет. Ты же видел, я пробирки сама расставляла.

Романов пожал плечами.

– Может, тот, кто это сделал, сам хочет признаться? – обратилась химичка к классу.

Все притихли. Кое-кто втянул голову в плечи. Елена Владимировна внимательно оглядывала учеников. Романов сел, чтобы не выделяться.

– Тебе я садиться не разрешала, твоя вина уже понятна, – сразу переключилась она на него.

– Да я-то тут при чём? – возмутился Романов, но встал.

– Класс не запер. Кто-то должен будет отвечать за разбитое оборудование, за испорченный пол.

Все и Дэн привстали со своих мест, вытянули шеи, силясь рассмотреть пол перед кафедрой. Там, куда пролилась кислота, краска облезла уродливой кляксой. Дэн мысленно застонал.

– Я запер, – в отчаянье пролепетал Романов.

– Чудес не бывает. Если запер, значит, кого-то пустил и теперь покрываешь. Или сам всё это устроил и боишься признаться. Ну? Тебе есть что сказать?

Романов только головой помотал.

– Если ты сам не хочешь всё рассказать, значит, на завтра

пригласи в школу маму, пусть она тебе поможет.

Романов опустил голову. Дэну стало не по себе. Славик Романов был тихим, спокойным мальчишкой, даже каким-то беззащитным. А родители у него были строгие, и это всем было известно. Виноват был Славик или не виноват, а дома ему попадёт. Дэн совсем было уже собрался встать и признаться... но не встал. И если уж честно себе сознаться (а себя, зачем обманывать?), не встал, потому что испугался. Буквально прирос к стулу. Ещё бы! Встать перед всем классом и заявить, что это ты всё разбил. Бррр! Дэн даже плечами передёрнул, словно от озноба.

А химичка решила – разговор окончен, посадила Романова на место и занялась уроком. Иногда даже нормальные учителя бывают невыносимы. Теперь момент для признания точно упущен. Дэн совсем загрустил. Славика ему было жалко, и свою вину он чувствовал, и стыдно ему было, что струсил, не признался, и горько, что ему так не везёт. Тут соседка, Валька Трошина, пихнула его локтем в бок. Дэн вздрогнул.

– Воробьёв! О чём задумался? Иди к доске, – Елена Владимировна недовольно смотрела на Дэна.

Дэн поплёлся к доске. Тему он знал, но сосредоточиться на химических формулах так и не смог. Отвечал невпопад, запинаясь и получил двойку. Никогда раньше у него не было двоек по химии. Что за день сегодня такой?! Теперь повиниться перед химичкой стало почти невозможным. Остав-

шиеся уроки Дэн не учился, а мучился. Нет, двойка по химии его волновала не особо – его грызла совесть. А это куда хуже.

После окончания занятий, когда Дэн засовывал в сумку учебник, к нему подошёл Славка Романов. Дэн напрягся. Неужели он знает? Может Дэна кто-нибудь видел?

– Дэн, ты не мог бы за меня отдежурить сегодня? А я за тебя потом подежурю.

– Ну...

– Иванова болеет, а я сегодня никак не могу, если я смоюсь, то...

– Да ладно. Иди, конечно, – Дэн делал вид, что соглашается неохотно – кому ж охота дежурить вне очереди, но на самом деле был рад хоть чем-то помочь. Загладить вину. Хотя, как тут загладишь?

– Спасибо, – Славик заторопился.

– Славик, – окликнул его Дэн.

– А? Чего? – Романов замер уже в дверях класса.

– Да нет. Ничего, иди, – смутился Дэн.

Дэн остался в классе один. Быстро поставил перевёрнутые стулья на парты, стёр с доски, полил цветы. Сходил с ведром в туалет набрал тёплой воды. В углу за шкафом взял швабру и тряпку, быстро протёр пол в классе. Оценил: вроде чисто. Нельзя подвести Славика ещё и в этом, классная наверняка явится на беседу с родителями. Всё выскажет. Надо было хоть Славке признаться, нельзя же вот так всё на товарища

свалить и жить спокойно. Завтра с утра следует всё рассказать. Дэн вылил из ведра грязную воду, ещё раз проверил: окна закрыты, свет погашен. Запер дверь класса, подёргал – нормально, действительно заперто, отнёс ключ в учительскую и побежал домой.

Теплее, чем утром, не стало. Разве что солнышко вышло, слепило, сверкая яркими искрами на снегу. Дэн торопился, по сторонам почти не смотрел, спешил домой: и холодно, и есть уже хочется, обед-то пропустил. Уже почти у самого дома на другой стороне дороги увидел Славку Романова. Тот шёл, опустив голову, не глядя по сторонам.

– Славка, – крикнул Дэн, но тот не услышал, не обернулся.

В это время перед Дэном остановился автобус, перекрыл весь обзор. Двери автобуса открылись оттуда стали выходить люди, сосредоточенно глядя под ноги. Дэн протиснулся через толпу и обогнул автобус сзади. Славик уже ушёл довольно далеко. Дэн бросился догонять, и только выбежав на середину дороги, вспомнил, что не посмотрел по сторонам. Дэн попытался притормозить, но снег на дороге был скользкий, плотно укатанный – ноги скользили. Дэн успел повернуть голову вправо и заметить приближающееся жёлтое такси, вцепившегося в руль водителя. «Только так и мог закончиться этот сумасшедший день», – промелькнула у Дэна мысль. Потом скрип тормозов, удар и темнота.

Глава 2

Говорят, что в критических ситуациях перед глазами проходит вся жизнь. И жизнь вроде не длинная, четырнадцать лет всего, но ничего подобного Дэн не заметил. Просто наступила темнота и всё. Теперь Дэн очнулся и чувствовал себя странно. Странно, что ничего не болит. Нет, не так, поторопился с выводами. Голова раскалывается. Выходит, голове больше всего и досталось. Нет, всё-таки утро добрым не бывает! Дэн приоткрыл глаза, над ним был деревянный потолок, половина которого была наклонной, и в этой наклонной части имелось окно с клочком голубого неба. «Странно, где это я? На больницу непохоже», – голова гудела, в висках стучало, но мысли были удивительно ясные. Дэн помнил всё до последнего мгновения. Он поднялся, сел на кровати и огляделся: небольшая комната, похоже на детскую. Много игрушек, кровать, тумбочка, стенной шкаф, на полу ковёр с Винни Пухом. Что за место? Дэн встал, покачнулся, схватился рукой за спинку кровати – голова закружилась. Переждал секунду дурноты. Всё вокруг выглядело не только незнакомо, но и непривычно, словно у него зрение помутилось. Дэн потёр лицо, уставился на свою руку, потом на другую. Оглядел себя и снова сел на кровать – похоже он стукнулся головой куда сильнее, чем подумал сначала. Руки-ноги были целы, ничего кроме головы не болело, но всё-всё было чужое.

Дэн поднялся на ноги, постоял, унимая головокружение. Ему казалось очень важным выяснить куда он попал, что за место. И неплохо бы выход поискать. Так... На всякий случай. Он неуверенно шагнул к двери из комнаты и осторожно приоткрыл. Высунул голову, оглядел коридор, обнаружил лестницу вниз. Крыша с окном, лестница, но обстановка явно жилая. Дача, что ли? Или загородный дом? С каждой секундой он чувствовал себя всё лучше, держался на ногах всё уверенней. Вышел, стараясь не топтать, и стал спускаться по лестнице, держась за красивые, блестящие лаком, резные перила. Деревянные ступени тихо поскрипывали под босыми ногами. Внизу оказался довольно большой холл с окнами во всю стену, и за окнами зеленели берёзы. Дэн замер. На улице лето?! Он что, был без сознания полгода? Не удивительно, что собственные руки и ноги покажутся незнакомыми. Вот только где же он находится?

Дэн спустился в холл. Бывать в частных коттеджах Дэну не приходилось, но в кино-то видел. Оттого, видимо, он ощущал себя будто героем кинофильма. Только с жанром пока не определился: ужастик или всего лишь мелодрама. По обстановке отнюдь не всегда определишь. Справа аккуратный диванчик и журнальный столик, почему-то абсолютно пустой. Слева за углом холл переходил в кухню: стол, плита, мойка, холодильник – всё почти как обычно, но совершенно незнакомо. Из холла кроме входной, вели две двери в разные стороны, но не они привлекли внимание Дэна. Возле вход-

ной двери висело большое, в полный рост, зеркало. Дэн поспешил к нему и с минуту стоял, замерев на месте. Потом потрогал зеркало, постучал в него костяшками пальцев, даже заглянул за него, помахал руками, крепко зажмурил и открыл глаза. Из зеркала на Дэна смотрел абсолютно незнакомый мальчишка.

Мальчишка был самый обыкновенный: в простых шортах и футболке, босиком, возраста примерно такого же, как и Дэн, ростом, пожалуй, чуть поменьше и комплекцией потоньше. Но на Дэна он был совершенно непохож. Ну вот ни капельки!

– Это сон, – сказал Дэн вслух, и ущипнул себя за ногу. Было больно, но проснуться не получилось. – А может, я умер?

Но ни на рай, ни на ад это место никак не походило, впрочем, кто же знает, как они выглядят. Дэн не знал. Решив оставить эту загадку до поры, не то большая голова лопнет от мыслей, Дэн дёрнул входную дверь – та оказалась заперта. Тогда он побрёл осматривать дом, вдруг отыщется разгадка всей этой нелепости. Дом оказался огромным, по мнению Дэна, всю жизнь прожившего в двухкомнатной квартире. Целых два этажа, каждый много больше всей Дэновой квартиры! На каждом этаже был туалет и душевая кабинка, а на первом этаже ещё и роскошная ванна с невиданными приспособлениями. И ещё несколько жилых комнат. В одной явно обитала женщина. Дэн обнаружил в шкафу женскую одежду и сразу закрыл шкаф – постеснялся. Другая комна-

та, очевидно, принадлежала мужчине, там Дэн тоже не стал задерживаться. «И детская на втором этаже, где я проснулся, – вспомнил Дэн. – Нормальная семья. Только я тут при чём?». Нашёлся ещё и кабинет: стол с компьютером, бумаги и ручки, книги в шкафу.

Дэн ничего трогать не стал, вернулся обратно в холл. В этот момент наружная дверь отворилась, и в дом вошли мужчина и женщина. Оба были одеты по-летнему: в шортах и майках, в лёгких сандалиях. Мужчина держал в руках объёмистый пакет. Дэн замер на нижней ступеньке лестницы.

– Доброе утро, Виталик, – сказал мужчина, и унёс свой пакет в сторону кухни.

– Привет, сынок, – улыбнулась женщина.

– Здрасьте, – неуверенно пробормотал Дэн.

– Что за «здрасьте»? – выглянул из кухни мужчина. – Скажи: «Доброе утро», и поцелуй маму. – Мужчина опять скрылся за углом, там зашумела вода.

– Доброе утро, – послушно сказал Дэн. – А вы, простите, кто?

Улыбка медленно исчезла с лица женщины, а мужчина вышел из кухни, вытирая руки бумажным полотенцем. Они внимательно смотрели на Дэна, не говоря ни слова. Дэн тоже молчал. А что тут скажешь?

– Виталий, диагностика, – сказал мужчина.

– Чего? Я не понял, простите.

– Вань, что это? – беспокойно спросила женщина.

– Не беспокойся, дорогая, какой-нибудь сбой. Сейчас я всё проверю. Думаю, ничего страшного, – мужчина почти не глядя зашвырнул мокрый комок полотенца куда-то в кухню. На Дэна поглядывал искоса, но спокойно.

– Иди за мной, – он прошёл мимо Дэна и стал подниматься по лестнице.

Дэн не тронулся с места, ему вдруг стало страшно, он бросился бы бежать, но не мог сделать ни шагу – ноги не слушались. Мужчина, поднявшись почти до самого верха, вдруг обнаружил, что мальчик за ним не идёт. Он обернулся, нахмурился.

– Иди за мной, это приказ.

– З-зачем? – Дэн ещё больше испугался, неловко попятился и чуть не упал со ступеньки, вовремя ухватившись руками за перила.

– Кажется, всё не так просто, – пробормотал мужчина. И громко произнёс: – икс, один, девять, шесть, оу, кью, девять, дельта. Следуй за мной.

Дэн, заморожено глядя на мужчину, сделал ещё один несмелый шаг назад, и едва не столкнулся с женщиной, неслышно подошедшей сзади. Мальчишка проворно отскочил в сторону, панически соображая, куда бежать. Дверь наружу была закрыта, и Дэн стал боком продвигаться к ней, не сводя глаз с незнакомцев.

– Ваня, что с ним?

– Я не знаю. Он не отозвался на код – это просто невоз-

можно. Так не бывает.

– Виталик, что случилось? – ласково сказала женщина.

– Я не Виталик, – сказал Дэн, в горле пересохло, и он сглотнул, – меня зовут Дэн, то есть Денис.

Мужчина и женщина переглянулись.

– Вань, а у них бывает сумасшествие?

– Никогда о таком не слышал. Да и как он может сойти с ума? Там не с чего сходить, там программа – может быть только сбой.

– Даже такой?

Мужчина пожал плечами. Дэн продолжил потихоньку продвигаться в сторону входной двери.

– Виталик, постой, не бойся, мы ведь тебя никогда не обижали.

– Меня зовут Денис.

– Ну, хорошо, Денис, если тебе так больше нравится. Давай поговорим, садись на диван.

– Я постою.

– Ладно. Только не бойся, не убегай, – женщина села на диван. – Что у тебя случилось?

– Сначала скажите, кто вы такие?

– Ты не знаешь? Это такая игра? – женщина пожалала плечами. – Мы твои родители. Мама и папа.

– Ну, уж нет! Я своих родителей знаю, вы на них совершенно непохожи.

Женщина беспомощно посмотрела на мужа, тот пожал

плечами, ушёл и через минуту вернулся, неся в руках толстый фотоальбом в розовой обложке. Он хотел подойти к Дэну, но тот опять дёрнулся к двери, мужчина остановился и, положив альбом на журнальный столик, отступил. Дэн послушно взял альбом, раскрыл – на фото тот самый незнакомый мальчишка из зеркала улыбался вместе с родителями. Счастливый мальчишка, счастливые родители.

– Это не я!

– Как это не ты?

– Внешность, да, похожа. Ммм... Та же внешность. Но это не я. Я выгляжу совсем по-другому.

– Да как по-другому?! – начал терять терпение мужчина. –

Посмотри на себя в зеркало.

– Я уже смотрел, – сник Дэн, – и в зеркале не я. Там, в зеркале, не я!

– То есть ты не узнаешь себя в зеркале и думаешь, что тебя зовут Денис? – опять вмешалась женщина.

– Да, звучит по-дурацки, – согласился Дэн.

– Икс, один, девять, шесть, оу, кью, девять, дельта, – снова попытался мужчина.

– И что это должно означать?

– Вообще-то, – уныло сказал мужчина, – это твой персональный код, стереть или изменить его нельзя. Он вшит.

– Куда вшит?

– В постоянную память, конечно. Осталось только попробовать подключить терминал. – Он опять ненадолго отлу-

чился и вернулся с небольшим устройством с экранчиком и проводами.

– Ваня, а ведь они обещали, что такого не может случиться, – грустно сказала женщина.

– Успокойся, Тань, они всё исправят, я уверен.

– Это ещё зачем? – забеспокоился Дэн.

– Не тревожься Виталик, я просто подключу терминал, это совсем не больно.

– Ага, – Дэн стал пятиться, – перед тем, как зубы драть, тоже всегда так говорят.

– Какие зубы? Тебе никогда не драли никаких зубов.

Дэн провёл языком по зубам. Не отходя от дверей, вытянул шею в сторону зеркала и открыл рот. Все зубы, ровные и белые, были действительно на месте. Дэн не поверил и открыл рот пошире. Пока Дэн отвлёкся, мужчина подобрался ближе и схватил его за плечи. Дэн дёрнулся, но вырваться не смог – это новое худое тело ещё плохо подчинялось ему. Мужчина свалил его на диван и крепко прижал.

– Таня, подключи терминал, скорее, – он говорил негромко и почти спокойно.

Пальцы зашарили у Дэна на затылке под волосами, он дёрнул головой, но голову тут же прижали к дивану, стало трудно дышать.

– Терминал ничего не показывает.

– Совсем ничего?

– Пишет: «Нет соединения».

– Воткни разъём поглубже и нажми на кнопку «Диагностика».

– Всё равно. Пишет: «Нет соединения, устройство не обнаружено»

– Это невозможно.

– Ну, посмотри сам, – раздражённо сказала женщина. – И отпусти его, наконец, он задыхается.

Дэна отпустили, он с трудом отполз на несколько шагов и тяжело дышал, не пытаясь подняться на ноги.

– Садись сюда, Денис, – сказала Женщина. – Тебя больше никто не тронет.

Денис посмотрел ей в глаза, потом придвинулся и сел на дальний конец, на краешек дивана.

– Расскажи мне, что ты помнишь о себе?

– Всё помню.

– Так по стойте, – прервал их мужчина. – Таня, давайте поговорим на свежем воздухе. Всем необходимо проветриться.

Она взглянула на него с непонятной тревогой. Дэн переводил взгляд с одного на другую, уловив недосказанность, но сути её понять не смог. Уж не замышляют ли чего? Но выйти на улицу очень хотелось, да и шансов сбежать там наверняка будет больше.

– Да, ты прав, – сказала женщина медленно. – В доме душно, а погода чудесная.

Мужчина лишь прикрыл глаза в знак согласия, чем насто-рожил Дэна ещё больше. Он открыл дверь и первым вышел

наружу, за ним последовала жена, Дэн замыкал шествие, стараясь держаться вне досягаемости.

У дома была неширокая лужайка, дорога, нырявшая в сплошную зелень. Нагретый воздух, наполненный ароматом листвы, вскружил Дэну голову, он вздохнул полной грудью. Ещё вчера он прятал нос в воротник, спасаясь от мороза, а сегодня млеет под жарким летним солнцем. Есть от чего ошалеть.

Муж с женой, то и дело оглядываясь, уже шагали прочь по тропинке между высоких берёз. Дэн бросился их догонять.

– Так говоришь, ты всё помнишь, – переспросил мужчина, когда Дэн приблизился.

– Ну, да.

– А как ты попал сюда, в этот дом, ты помнишь?

– Вот этого не помню, – смутился Дэн. – Последнее, что я помню: меня сбила машина, такси. И... всё. Темнота. Я потерял сознание и очнулся уже здесь, в комнате наверху.

– А что было до этого? Где ты жил? В каком доме?

– Старый Ельск, улица Труда, дом семь, квартира тридцать.

– Это не похоже на сбой, – женщина посмотрела на мужа, – это скорее чья-то злая шутка.

– Кому это надо?! Не говоря уж о том, что персональный код изменить невозможно. Во всяком случае, я всегда так считал. А потом, терминал показал, что имплантат не работает. А без имплантата он только дышать может, ни двигать-

ся, ни уж тем более говорить. Это невозможно в принципе! Он не человек, как бы мы того не хотели, он робот!

– Посмотри на него. Ты не веришь своим глазам?

– Кто робот? – подал голос Дэн.

– Зачем ты говоришь это при ребёнке?

– Он не запомнит, – устало сказал муж. – Он не может ничего запомнить. Он вообще ничего не может без имплантата.

– Это Вы про меня? – опять не выдержал Дэн. – Нет у меня никаких имплантатов, я обычный мальчик. Учусь в обычной школе.

– У тебя разъём на затылке, – сказал мужчина, женщина посмотрела на него с укоризной.

Дэн запустил руку в волосы и нащупал прямо на затылке странную маленькую металлическую штучку.

– Я робот?! – он безвольно опустил руку.

– Подожди, Виталик, не расстраивайся, всё не так страшно.

– Я Денис! Наверное. – Он посмотрел на женщину. – Теперь я уже не уверен. Я должен разобраться, понять... Расскажите мне всё про вашего Виталика, пожалуйста.

Женщина посмотрела на мужа, тот пожал плечами и пошёл быстрее, вырвавшись немного вперёд. Дэн, наоборот, подтянулся, пошёл рядом с женщиной, заглядывая ей в лицо. Она вздохнула и начала рассказ:

– У нас с Иваном был сын, его звали Виталик. К сожалению, он заболел и умер, когда ему было шесть лет. Мы пло-

хо перенесли эту трагедию, очень горевали, практически не могли работать. Нас даже вызывали в КЭТ, на беседу.

– Что это – кэт?

– Ты не знаешь, что такое КЭТ? Комитет по этике?! – Денис в ответ только пожал плечами. – В общем, они предложили нам выход – тебя. Это известная практика. Берут генетический материал, выращивают клон и вживляют ему имплантат. Туда записывается специальная самообучающаяся программа. И он, этот клон, ведёт себя почти как настоящий человек.

– И вы согласились?

– Это же КЭТ! Нас не очень-то спрашивали. Мы пытались отказаться, но они умеют быть настойчивыми. Мы практически вынуждены были уступить. Или так, или лагерь за неэтичное поведение. Потом привыкли. Внешне ты не отличаешься от нашего сына, ну а некоторые огрехи в поведении быстро учишься не замечать. Тем более что программу всегда можно подправить.

– Это отвратительно, – Дэн поморщился и испугался, не обидел ли чем? Мельком взглянул на женщину, смущённо отвёл глаза.

Она, задумавшись, не заметила его смущения. Ответила устало:

– Возможно, но в КЭТ считают по-другому, а с ними трудно спорить. Так было до сегодняшнего дня. А теперь ты ведёшь себя совсем иначе, словно обычный мальчик. Только

странный мальчик, что такое КЭТ не знаешь. Его решения называешь отвратительными. Вспоминаешь то, чего с тобой никогда не было и быть не могло.

– Со мной всё это было, я всё прекрасно помню. До тех пор, пока под машину не попал.

– Давай-ка проверим, где ты говоришь жил?

– Старый Ельск. Скажите, как Вас зовут? Как мне Вас называть?

– Мама и папа тебя не устроят? – в её глазах отразилась надежда.

– Простите, я сочувствую вашему горю, но у меня есть свои мама и папа.

– Ты стал очень странным! Впрочем... меня зовут Татьяна Васильевна, а моего мужа Иван Сергеевич. Можешь называть нас так или просто по имени.

– А фамилия?

– Фамилия? Ковальчук. – А твоя?

– Воробьёв.

– Ну что ж, Денис Воробьёв, поищем твой город на карте.

Искали естественно не на карте, а в смартфоне, в интернете. Смартфон Татьяны Васильевны отчего-то долго включался, потом она старательно что-то там писала, но ничего не нашла. Затем на помощь пришёл Иван Сергеевич, но результат остался отрицательным. Никакого Ельска ни старого, ни нового не отыскалось. Телефоны были выключены и убраны с глаз долой. Дэна не пытались обвинить во лжи, но

он сам чувствовал себя виноватым, словно что-то сделал не так, кого-то подвёл.

– Может я всё-таки умер? Погиб под машиной? И это тот свет?

– Свет самый что ни на есть этот, – сказал Иван Сергеевич, – для нас во всяком случае.

– Как это можно объяснить, дорогой, подумай, ты же умный?

– Я могу только гадать. А это не самое благодатное дело.

Он замолчал. Они втроём шагали по тропе под зелёным пологом, Дэн с интересом крутил головой, но разглядеть что-то сквозь листву так и не смог.

– И всё же? – решил уточнить Дэн. – Хоть какие-то идеи?

Иван Сергеевич хмыкнул:

– Я беспокоюсь. Мы слишком много наговорили в доме, и слишком поздно отключили телефоны. Внимание КЭТ нам гарантировано. Так, о чем это я... Ах да. Я могу только предполагать, строить догадки. Так что не судите строго. Если отбросить идею злой шутки и перепрограммирования имплантата... Хотя, нет, прибор показывает, что он не работает... Тогда более причудливое предположение. Я бы сказал, что в момент автомобильной аварии, когда сознание покинуло твоё тело, оно каким-то неведомым образом перенеслось в тело нашего сына. На самом деле тело Виталика вполне жизнеспособный клон, только лишённый своего сознания. Сознание ему заменяет программа в памяти имплантата. Когда

же твоё, Денис, сознание попало в это тело, имплантат не выдержал перегрузок и сгорел, и сейчас ты вполне обычный человек. Хотя тело и сознание от разных людей. Идея, конечно, бредовая и абсолютно ненаучная, скорее фантастичная, но ничего лучше я предложить не могу. Эта теория хоть что-то объясняет. Это всё же разумнее, чем думать, что ты сумасшедший робот, работающий со сгоревшим имплантатом.

– Но и такую возможность Вы не исключаете? – Дэн не удержался от вопроса.

– Ну, без детальных исследований, без извлечения имплантата это вообще не определить.

– Извлечения? – Денис почесал затылок. – Не хотелось бы!

– Да уж, – сказал Иван Сергеевич.

– А что, по-вашему, произошло с моим настоящим телом?

– Кто знает?! Может быть, ты действительно умер... – При этих словах Денис вздрогнул, а Татьяна Васильевна недовольно посмотрела на мужа, – но может быть ты, просто без сознания, например в коме. Это значит, что у тебя есть все шансы вернуться.

– Это лучше, чем первый вариант.

– Сколько тебе лет? – спросила Татьяна Васильевна.

– Четырнадцать исполнилось недавно.

– Вот что очень странно. Для своего возраста твои знания и суждения вполне адекватны, я говорю как специалист. Я работаю в школе, – пояснила она Дэну. – И при этом ты

не знаешь элементарных вещей, которые знает любой первоклассник. Что такое КЭТ, как он влияет на нашу жизнь. И город твой мы не нашли.

– Да, здесь слабое звено моей теории, – сокрушённо признал Иван Сергеевич. – На это я могу только предложить ещё более фантастичную теорию об отражённых пространствах или, как их ещё называют, параллельных мирах. Но тут мы забредаем в область совершеннейшей фантастики, так можно объяснить вообще всё что угодно. Для серьёзного анализа надо больше фактов.

Они ещё некоторое время разговаривали в тот день, выясняя подробности жизни друг друга. Но потом Татьяна Васильева решительно потребовала от мужа оставить Дэна в покое, а тому посоветовала отдохнуть. Голова Дэна всё ещё побаливала, и как бы не хотел он разобраться в ситуации поскорее, он понимал, что надо дать себе передышку. Он забрался в детскую и попытался уснуть. Удалось это далеко не сразу, он никак не мог избавиться от мысли: «я – робот!»

Глава 3

Новое утро начиналось не в пример лучше предыдущих. Дэн проснулся безо всякого будильника, сам по себе. Голова не болела. Он оделся, прокрался по безмолвному и пустому дому и свободно вышел на улицу. Солнце ещё не встало, а его лучи уже разбавили синеву неба розовыми разводами. Дэн редко вставал так рано, в городе солнце, поднявшись над домами, уже обретало полную власть дарителя тепла и света. Нет никакой возможности смотреть на него прямо, не жмурясь, без боли и слёз. Но сегодня, какая-то сила подняла мальчишку из постели и выгнала из дома. Впрочем, ему нечем было заняться – никаких дел, никаких встреч, даже учиться не надо, даже погулять пойти не с кем – ни одного знакомого, ни одного друга, ни одного близкого человека. Все остались там, в Старом Ельске, которого даже на карте не отыскать. Что ему делать? Понять, что произошло? Узнать, как он сюда попал и как вернуться? Или осваиваться? Вписаться в здешнюю жизнь? Играть вечно свою роль? Вечно? А ведь это может оказаться верным словом.

Дэн, размышляя, шагал, куда несли ноги, а несли они его по едва заметной тропинке петлявшей, меж высоких берёз и ещё каких-то деревьев с острыми зубчатыми листьями. Сказали, здесь где-то озеро – да вот оно. Большое. Другой берег далеко. В тумане. Дэн не рискнул бы плыть на ту сторону.

Зато над той стороной уже поднимался яркий край солнца. Дэн прищурился и замер, глубоко вдохнул, задержал воздух. Ни такого зрелища, ни такого воздуха в городе не найдёшь. Здесь есть свои прелести, но – это не дом. Если бы сюда в поход на недельку, ну, пусть на летние каникулы, но не на всю же жизнь. А жизнь здесь может оказаться очень длинной. Здесь со скуки подохнешь. Но, не сегодня. Сегодня утро может выдаться просто замечательным.

Дэн спустился на песок. Скинул кеды и сел, скрестив ноги. пляж был небольшой, но заметно ухоженный. Широкая полоса чистого желтоватого песка плавно спускалась к ровной линии воды, блестевшей словно зеркало. Ни волны, ни даже ряби – только ровная нестерпимо сверкающая дорожка прямо к высунувшемуся над тем берегом, уже побелевшему солнцу. Чуть дальше, метрах в пятидесяти имелись несколько лежаков, зонтики и даже кабинка для переодевания. Но в этот ранний час Дэн был единственным отдыхающим.

Позади слышались шаги, Дэн не обернулся. Родители беспокоятся за своего сына. Пусть он и не совсем живой, они его любят по-своему. Это он раньше, похоже, забот особых не требовал. А теперь они не знают, чего от него ожидать. Они сами в растерянности. Однако это оказались отнюдь не родители. Мимо Дэна прошла девчонка, не повернув головы, не поздоровавшись, будто не заметив его. Дэн пожал плечами. А что тут скажешь – девчонки существа непонятные. Кто скажет, что у неё на уме. Дэн на такое знание точно не

претендовал.

Девчонка остановилась в пяти метрах впереди Дэна, не оборачиваясь к нему, достала из сумки полотенце. По-прежнему спиной к Дэну, кинула сумку на песок, полотенце поверх сумки и начала раздеваться. Скинула сандалии, поставила их ровно, вытряхнув песок. Стянула бежевые шорты, аккуратно сложила и положила поверх сандалий. Стянула через голову простую белую футболку и отправила её на шорты.

– Эй, – ошалевший Дэн среагировал, только когда девчонка взялась за последнее, что на ней осталось – белые трусики. – Ты чего делаешь?

Она будто не расслышала, стянула трусики и также аккуратно сложила их поверх футболки. Затем обернулась и недовольно посмотрела на Дэна.

– Ты сказал что-то? Тебе кто разрешал говорить? Тебе что, память стёрли?

– А... а... – Дэн, от удивления забыв закрыть рот, во все глаза рассматривал обнажённую девочку, – я... это...

– Завис, что ли? Ты чего уставился? – девчонка нахмурилась, подняла полотенце и замоталась в него, прикрыв наготу.

– Я? – Дэн словно очнулся от гипноза. – Я уставился. Да. Нечасто такое увидишь.

– О чём ты? Тебе, кажется, ремонт требуется. Куда твои родители смотрят?!

– А? Да, ремонт. Э... скажи, я немного не в курсе, у вас так принято, что девчонки прямо перед мальчишками раздеваются, или это только мне так везёт?

– Перед какими мальчишками? – девчонка беспокойно покрутила головой по сторонам. – Здесь нет никого кроме тебя...

– Значит не всем мальчишкам, только мне так повезло. Отчего бы это?

– Да о чём ты?! – разозлилась девчонка. – Ты не мальчишка, ты робот! У тебя что, процессор перегрелся? Я тут каждое утро купаюсь, и раньше ты никакой реакции не выказывал. Ты и не можешь – ты робот, тебя девочки не интересуют и интересовать не могут. Это запрещено.

– Упс! – Дэн почесал голову. – То есть если я буду вести себя как робот, ты будешь раздеваться здесь каждое утро? Конечно, конечно. Не обращай на меня внимания. Я тут молча посижу, ты можешь идти купаться. Я робот.

Дэн развёл поднятыми кверху раскрытыми ладонями и опять сел на песок, с интересом ожидая от девчонки дальнейших действий. Та была явно в растерянности. Постояв минуту, девчонка собрала одежду и направилась к кабинке для переодевания. Вернулась она через три минуты, одетой в шорты и футболку.

– Ты не будешь купаться? – удивился Дэн. – Ты же за этим пришла?

– Я не взяла купальник. По утрам здесь никого не бывает.

Ну, кроме тебя.

– Здесь и сейчас никого нет. Кроме тебя и меня. Не стесняйся, я всего лишь робот.

– Ты какой-то странный сегодня. Здесь что-то не так!

– Всё было почти нормально, – грустно сказал Дэн, – пока ты не пришла.

– Я тебе помешала? – насмешливо осведомилась девчонка.

– Помешала? Нет, что ты! Наоборот, меня очень порадовал твой приход. Можешь повторить? От такого у кого хочешь процессор перегреется.

– Ты и говоришь как-то странно... тебе что, программу обновили?

– Ага. Кардинально, – усмехнулся Дэн, – версия четырнадцать точка ноль. Не нравится?

– Нет. Иди за мной, я отведу тебя домой. – Девчонка направилась мимо Дэна в сторону деревьев.

– А ты точно не пойдёшь купаться?

– Нет, – отрезала Девчонка.

– Жаль! – вздохнул Дэн. – Тогда до свидания. Я ещё тут посижу.

– Иди за мной. Это приказ! – она повисила голос.

– Отстань, чего дома делать? – отмахнулся Дэн. И вдруг спохватился: – Или мы идём к тебе домой?

– К тебе, конечно, – совсем растерялась девочка. – Ты что, не выполнил мой приказ?

– Тебя это огорчает? Ну, извини, – Дэн вовсе не выглядел огорчённым. – Здесь все выполняют твои приказы?

– Нет, но...

– Но я, вероятно, должен был подчиниться. Ай-ай, какой я нехороший.

– Робот не может не выполнить прямого приказа – это невозможно.

– Вот, прямо так, совсем невозможно? Значит, тебе всё это снится. А может это всё снится мне? Меня бы устроил второй вариант.

– Должно быть какое-то объяснение.

– Например? – заинтересовался Дэн.

– Или у тебя сбой в программе, или... нет, никакой сбой не может так проявляться. Или ты – не робот.

– Гениально, – Дэн издевательски захлопал в ладоши.

– Как тебя зовут? – девчонка вернулась и остановилась в двух шагах от Дэна.

– А ты уверена, – Дэн тоже поднялся на ноги, – что хочешь узнать имя мальчика, перед которым только что раздевалась? Это не повлияет на твою психику? – Девочка промолчала, хмуро глядя на него. – Ну как хочешь, меня зовут Дэн, ну то есть Денис.

Она шагнула вперёд и вlepила ему пощёчину. От неожиданности Дэн отпрянул назад, споткнулся и сел на песок.

– Эй, ты чего это? – Дэн вскочил, замахнулся, но девчонка не сдвинулась с места, и он беспомощно опустил руку. – За

что это?

– Ты бы мог меня предупредить!

– Я пытался! Ты же и слова не дала сказать.

– Не очень-то ты старался.

– Да когда бы я успел?! Слишком ты шустрая.

– Ну, значит считай это платой за зрелище. Ты же не рассчитывал получить что-то бесплатно?

– Однако, – сказал Дэн, потирая покрасневшую щеку, из носа закапала кровь, Дэн шмыгнул. – Тогда, может, повторим?

– Сейчас получишь ещё, – девчонка сделала шаг навстречу, и Дэн быстро отшатнулся, – а то я, кажется, प्रदेशевила.

– Не, не, больше не надо. И так синяк будет. А главное за что? Сама виновата, а на меня сваливает.

– Мог бы отвернуться.

– Могла бы и не раздеваться при мне.

– Откуда я знала?! Тут всегда сидит такой – один в один как ты. Только робот.

– Теперь я за него. Точнее, это я и есть.

– Врёшь!

– Ну, я был им совсем недавно. Или он был мной. Короче, я не знаю. Но другого такого нет.

– Ничего не поняла.

– Я и сам ничего не понимаю. Тебя как зовут?

– А ты уверен, что хочешь знать имя девочки, которая

только что заехала тебе по морде? Это не повлияет на твою психику?

– Переживу, – сказал Дэн, вытирая нос полой майки, на майке остались кровавые разводы.

– Дарья. – Девочка взяла Дэна за руку. – Пойдём, – повела к озеру, намочила платок и стала стирать кровь с его лица. – Всё. И не обольщайся, я помогаю тебе только потому, что не люблю кровь, так что делаю это для себя. – Дэн только вздохнул, – И забудь всё, что ты видел.

– Забудь? – забеспокоился Дэн. – Как же я забуду? Я не могу себе приказать, это так перед глазами...

– Дурак! – Даша покраснела. – Если ты хоть слово, где скажешь, я тебя убью! И мне за это ничего не будет – все знают, что ты робот.

– Об этом ты можешь не беспокоиться, – просто сказал Дэн, – я не болтаю зря. Да и кому рассказывать, я кроме тебя и родителей этого робота никого не знаю.

– Так, кто ты такой?

– Это трудно объяснить, – Дэн вернулся на своё место и снова сел на песок. Запрокинул голову и несколько раз шмыгнул носом, чтобы окончательно остановить кровь.

– Ты уж постарайся, – Даша расстелила рядом с Дэном полотенце и села на него.

– Два дня назад я, скажем так, неудачно переходил дорогу, и меня сбила машина. Во всяком случае, это последнее, что я помню. А потом я очнулся в большом доме. На больницу

не похоже, кругом никого, голова болит. В зеркало глянул, а на меня этот тип смотрит. Если вкратце, то это всё.

– Ерунда какая-то. Так не бывает.

– Я и сам знаю, что не бывает, – вспыхнул Дэн. И успокоившись, добавил: – Однако ничего другого предложить не могу. Рассказываю, что помню.

– Ну, это же можно проверить. Где тебя машина сбила?

– Где? Где? Почти возле моего дома – город Старый Ельск, улица Труда.

– погоди, – Даша достала из сумки мобильный телефон, – так, Старый Ельск... так пишется? – Дэн кивнул. – Нет такого города.

– Я знаю, я уже смотрел. Не нашёл.

– Подожди, ещё поищу... ой, телефон выключился – зарядить забыла.

– Бесполезно. Я по-всякому искал, и родители искали. Ну, в смысле, родители этого робота. Не нашли.

– Значит, ты всё врешь.

– Ничего не значит.

– Это как?

– А вот так! Я могу быть свихнувшимся роботом, который сам верит в то, что говорит. Отсюда следует, что я не вру вовсе, а искренне заблуждаюсь. Вот только если судить по некоторым э... фактам, то этот вариант не подходит.

– Мне бы этот вариант подошёл.

– Понимаю тебя, – покосился на неё Дэн, – но насколько-

ко я знаю, роботы действуют строго по заложенной программе. Такая вещь как воображение для робота невозможна. А я помню, что меня зовут Денис. Что я живу в городе Старый Ельск, о котором у вас никто никогда не слышал. Помню своих родителей, школу, друзей.

– Ты что, с ума сошёл? – зашипела Даша, оглядываясь по сторонам. – Уф, хорошо, что телефон отключился.

– Чего я сказал?

– Ты совсем псих?! В КЭТ захотел?

– Да что случилось?!

– Я, что ли, только что сказала запрещённое слово?

– Какое слово? Я ничего такого неприличного не сказал. –

Даша выразительно смотрела на Дэна и он, пожав плечами, продолжил: – Я сказал, что помню родителей, шк...

– Тс! Уж не собираешься ли ты повторить?

– Что?! Школа? – Дэн ничего не понимал.

– Нет, последнее слово на д.

– А! Дру... – Дэн не договорил, потому что Даша закрыла ему рот ладонью.

– У, как тут всё плохо, – покачала головой Даша, – давай договоримся: я отпущу руки, но ты этого вслух не произносишь. Во всяком случае, пока я рядом. Хорошо? – Дэн кивнул, и Даша убрала руки.

– Чего я такого...

– Помолчи! Иначе я тебя точно убью. Ты сегодня уже второй раз меня разозлил до предела. Хватит. – Даша сделала

паузу, Дэн сидел, молча с недовольным видом. – Ты или дурак, или прикидываешься. За такие слова живо отправишься в КЭТ на беседу или ещё что похуже.

– Да что в... в этом слове такого? У нас это обычное слово, его все говорят. В каждой книжке пишут. У меня др...у-у-у... – застонал Дэн, – этих слов много.

– У вас – это в Старом Ельске, которого нету?

– Именно. Я его хорошо помню, а роботы не умеют выдумывать. Кстати, никакого комитета по этике у нас нет. Я даже не слышал о нём раньше никогда. А здесь его все боятся, как огня. Родители так постоянно оглядываются и шепчут. Только и слышно КЭТ да КЭТ. Кошкин дом какой-то.

– У вас нет КЭТ? Это уж вообще ерунда какая-то. Кто же там за порядком следит?

– Полиция следит. Ну, это если что случится, а так никто не следит, наверное.

– Полиция и у нас есть. Только она нужна чтобы преступлений не было. А кто за этикой следит?

– Да за какой этикой?! Вежливо разговаривать, да старшим место в трамвае уступать?

– Старшим место уступать как раз не надо. – Даша посмотрела на Дэна с подозрением: – Ты специально меня дразнишь?

– По-моему, это ты мне голову морочишь. Мстишь, наверное.

– Вот ещё! Ты элементарных вещей об этике не знаешь,

будто в школу не ходил.

– Ходил. Только в нормальную школу. В которой дру... м-м-м – Дэн чуть не зарычал от злости, – некоторые слова не запрещаются, и даже приветствуются.

– Так, всё! Я тебя слушать больше не хочу. – Даша решительно встала, собрала полотенце.

– Даша, – Дэн тоже поднялся на ноги, – ты... ты придёшь завтра? – Даша прищурилась, глядя на Дэна, и он как бы оправдываясь, заторопился: – Я здесь больше никого не знаю.

– И что? Человек должен быть самодостаточным. Должен рассчитывать только на себя в решении своих личных проблем. Это основное правило этики.

– Да? – приуныл Дэн, и поймал неожиданную идею: – Так может, подтянешь меня по этике? Помогать отстающим – это правильно?

– Вообще-то – нет. Если ты не справляешься со своей задачей, тебя надо заменить более умелым. А ты должен найти задачу попроще. Никому не надо помогать, каждый должен занять место, которое заслужил – так учит этика.

– Дурдом! Значит, ты не придёшь, – расстроился Дэн.

– Я... я принесу тебе учебник по этике для первого класса. Думаю, это нельзя будет считать помощью.

– Конечно, нет. Какая же это помощь, – заторопился Дэн. – Я буду ждать тебя с учебником здесь завтра утром.

– Нет, что это я? Не могу же я отдать тебе учебник бес-

платно. Деньги принесёшь.

Даша ушла, больше ни разу не обернувшись. Дэн разделся до трусов и остался загорать на жёлтом, прогретом песке. Если уж попал из зимы в лето надо пользоваться моментом. Даже если загар достаётся чужому телу. Домой он отправился через час.

Глава 4

– Привет, – улыбнулась Татьяна Васильевна, – садись, я тебя покормлю.

Вроде бы приняв реальность существования Дэна, она продолжала безупречно играть свою роль заботливой матери. Дэна это удивляло и немного напрягало, но он не спорил. Он перестал бояться, но пока стеснялся общаться с мало-знакомыми взрослыми людьми. Обед прошёл практически в молчании. Однако у Дэна появились вопросы, которые следовало выяснить не откладывая.

– Можно с Вами поговорить?

– Конечно.

– Я бы хотел м... как бы это сказать? Поговорить не здесь.

– На улице?

– Да, – кивнул Дэн. – И телефон оставьте. Вам ведь никто не должен звонить?

– Хорошо.

Они вышли на улицу, и отошли подальше от дома, женщина села прямо на траву под берёзой, Дэн поколебался и сел рядом.

– К чему такая секретность?

– Пока не знаю. Вы мне скажете потом, не зря ли я так беспокоился.

– Так, о чём ты...

– Я хотел спросить об одном слове, которое... в общем, это слово... – Дэн оглянулся и добавил шёпотом, – «друг».

Собеседница, к удивлению Дэна, отреагировала довольно спокойно, она задумалась и долго не отвечала. Дэн ждал.

– Скажи, Виталик, откуда ты узнал это слово?

– Я понимаю, как Вам это тяжело, – мягко сказал Дэн, посмотрел на женщину с сочувствием, – и всё-таки, я Денис, или Дэн.

– Да, конечно, никак не могу привыкнуть, – она закрыла лицо руками.

– Простите, – Дэн растерялся. – Я что-то... Ну, если хотите, если для вас это так важно, можете называть меня Виталиком, я не возражаю.

– Нет, нет. Что ты! – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Мой сын умер много лет назад. А этот клон был всего лишь его бледной тенью. Я долго не могла привыкнуть, но за столько лет... Теперь ты ведёшь себя как живой мальчишка, оставаясь внешне всё тем же Виталиком. Я вижу, каким бы мог быть мой сын, и каким он никогда уже не станет. – По её щеке заскользила слеза. Дэн совсем смутился. Она быстро вытерла её тыльной стороной ладони, – пожалуйста, не рассказывай об этом никому.

– Хорошо, но в этом нет ничего страшного.

– Мне кажется, ты не понимаешь. И я не совсем понимаю тебя. Ты бы действительно согласился называться Виталиком, если бы я попросила?

– Конечно.

– Почему?

– Что, почему? Если бы Вы попросили, я бы согласился.

И всё.

– Я именно об этом. Ведь тебе нравится твоё имя, имя Виталий для тебя ничего не значит. Почему бы ты согласился вопреки своим желанием?

– Ну, мне это не слишком трудно, словно в игру играть или роль в театре, а для Вас мне показалось это очень важно. Я был бы рад облегчить ваши страдания. Тем более, что мне для этого почти ничего не пришлось бы делать, нужно только привыкнуть.

– Тебе пришлось бы отзываться на чужое имя, подыгрывать. Тебе ведь это не нравится.

– Не нравится. Если честно. Но я могу терпеть. Не так уж сложно.

– То есть ты готов терпеть неудобства ради другого человека?

– Ну, не всегда, – смутился Дэн, – но, если это хороший человек и ему действительно нужна помощь, я постараюсь помочь.

– На этом ведь основано то, с чего мы начали? – спросила Татьяна Васильевна. И добавила шёпотом: – дружба, любовь.

– Пожалуй, не только на этом, – пожал плечами Дэн, – но, это тоже важная часть. Да, уметь уступать, прийти на помощь даже вопреки своим желанием.

– У нас есть закон об этичном поведении и этический кодекс, – устало сказала Татьяна Васильевна. – Они приняты много лет назад, и являются одними из основных законов. За их нарушения карают очень строго: самое лёгкое, если уволят с работы, лишат всех чинов и званий, в худшем случае – концентрационный лагерь. Оттуда никто не возвращается. Никогда.

– Что там в этом кодексе?

– Я дам тебе почитать. Но если коротко – считается неэтичным, если один человек помогает другому. Особенно если он делает это в ущерб своим собственным интересам.

– Я не понимаю.

Солнце сквозь листву светило Дэну прямо в глаза, он отодвинулся и прислонился к белому шершавому стволу. Продолжил:

– Человек не способен в одиночку делать абсолютно всё. А как же заводы и всё такое... ну, где нужно сотрудничество?

– Конечно. Сотрудничество никто не запрещает. Это нормально и даже необходимо, ты прав. Только каждый участник коллектива, каждый сотрудник должен делать это ради своей собственной выгоды. Например, за зарплату или ещё какое вознаграждение. Неэтичной считается работа или помощь просто так. Есть такое слово – бескорыстно. – Татьяна Васильевна вопросительно посмотрела на мальчика.

– Да, знакомое слово, – кивнул Дэн.

– Тем более неэтичным признается действие против своих

интересов, в ущерб себе.

– То есть, если я правильно Вас понял, любое моё действие должно быть выгодным именно мне? Иначе меня могут обвинить в неэтичном поведении?

– Именно так.

– А если мне нравится помогать другим просто так. Я могу делать это ради собственного удовольствия? Это можно считать выгодой?

– Скажи, в твоём родном городе, ну, скажем, люди ходят голышом?

– Нет, конечно. Это неприлично.

– А если такое случится, их могут наказать? Оштрафовать или арестовать?

– Полагаю – да. Вы это к чему?

– А если они скажут, что им нравится ходить голыми. Их просто отпустят и не будут им мешать?

– Конечно, нет, – помотал головой Дэн. – А-а-а! Понимаю! Нравится или нет, но если это считается неэтичным, то наказание последует неизбежно. Ну да, конечно, добровольно признаться, что тебе нравятся неэтичные вещи – всё равно, что признать себя извращенцем.

– Вроде того. – Татьяна Васильевна покосилась на Дэна. А тот сидел глубоко задумавшись.

– Ну, допустим. Допустим. Но зачем? Зачем надо было принимать такой дурацкий закон...

– Тсс! – перебила его женщина. – Не стоит так кричать.

– Ой, простите, – Дэн заговорил тише. – Я не понимаю, какую пользу может принести такой закон. Ведь был же какой-то смысл.

– Конечно. Смысл есть и вполне понятный. М-м-м, – она задумалась, – я не знаю, слышал ли ты о теории эволюции, основанной на естественном отборе?

– Это, кажется, теория Дарвина? Нет, я не знаю.

– Да, Дарвин. Считается, что одним из основных факторов любого развития в живой природе является естественный отбор. Конкуренция. В результате конкуренции побеждают более приспособленные к условиям жизни. В конечном итоге от этого выигрывает весь вид, так как потомство дают более сильные, быстрые, ловкие и умные особи.

– Это ведь про животных?

– Да. Но человек по многим факторам остаётся животным. Его нельзя абсолютно выделить из природной среды. Но есть и разница. Если животные приспособляются к окружающей среде, человек пошёл другим путём и стал приспособлять окружающий мир под себя. Стал одеваться, чтобы не мёрзнуть, стал выращивать еду, чтобы не зависеть от поисков или охоты, придумал медицину, чтобы не зависеть от болезней. Конечно, это не всегда помогает, но оказывает на развитие человечества огромное влияние. В какой-то момент, это нарушило естественную конкуренцию. Медицина смогла выхаживать слабых, больных детей и инвалидов, которые раньше всегда умирали. Появилась возмож-

ность кормить тех, кто не может или не хочет эффективно работать и зарабатывать себе на жизнь. Неумелых, глупых людей, лентяев, одиноких стариков, детей-сирот. Раньше они тоже не выжили бы. Это стало приводить к тому, что наследственность человеческого рода стала ухудшаться. Природных ресурсов также стало на всех не хватать.

– Вы рассказываете это так заученно, словно повторяли много раз.

– Конечно, – усмехнулась она, – я же школьный учитель. Мне приходилось рассказывать это не раз. Только подробнее. Ну, так вот. Закон об этике был введён, чтобы искусственно создать конкуренцию в человеческом обществе. Чтобы улучшить генофонд путём естественного отбора. Теперь, если человек не хочет или не может зарабатывать себе на жизнь, если он не способен справиться с жизненными трудностями, ему никто не поможет и он, скорее всего, погибнет. Вероятнее всего, в такой ситуации он не сможет иметь детей и не повлияет на развитие человечества в целом.

– То есть закон принимался, чтобы защитить всё человечество?

– Да. В те же годы был принят первый кодекс. Потом его, конечно, дополняли и изменяли, но суть осталась прежней.

– Это звучит довольно убедительно, – задумчиво сказал Дэн, – думаю, и у нас многие поддержали бы такой закон. Скажу больше: многие и так делают только то, что выгодно лично им, на остальных им плевать. Но почему-то мне это

совсем не нравится. Мне надо подумать.

– Конечно. Если у тебя будут вопросы...

– Будут и прямо сейчас. Получается, что дру... э... то, с чего мы начали, противоречит кодексу? Ведь основной смысл вашей этики – каждый сам за себя, и пусть победит сильнейший?

– Да, именно так. Дружба, – она произнесла это слово шёпотом, – позволяет слабому преодолевать жизненные невзгоды за счёт более сильного. А это противоречит кодексу. Основной смысл этики не только в том, что каждый сам за себя, а в том, что каждый получает только то, за что он способен расплатиться своим трудом, знаниями. Получает то, что заслужил. В определённом смысле, это очень справедливо.

– Пожалуй, – кивнул Дэн, – на мой взгляд, справедливости в нашей жизни недостаёт. Это справедливо, но как-то... бесчеловечно. Глупо спрашивать Вас о понятиях: милосердие, благотворительность?

– Эти понятия изучают в истории. Когда изучают жизнь до принятия кодекса. Эти понятия приводят как пример неправильного, неразумного и неэтичного поведения.

– А как же дети? Они не могут заботиться о себе сами.

– До десяти лет за ребёнка полностью отвечают родители. Если родители не хотят сами воспитывать своих детей, их отправляют в интернат, но с родителей взимают полную плату за их содержание и обучение.

– А после десяти?

– После десяти, ребёнок должен хорошо учиться и осваивать какую-либо профессию, помогать родителям по дому. Если ребёнок имеет плохие отметки, не успевает по предметам или поведению, родители не имеют права кормить его, лечить...

– А как же я?

– Ты? – она помолчала. – Прости, ты официально не считаешься человеком, робот – это имущество, с ним можно делать всё, что захочешь. Прости.

– Не стоит извиняться, меня это не расстраивает. Пока не расстраивает. Скажите вот что, если скажем, человек тонет, спасти его или нет?

– Если только он гарантирует оплату своего спасения. Лучше в письменном виде или, хотя бы под запись на диктофон, или при свидетелях.

– А если он не может заплатить?

– Тогда ему не следовало лезть в воду, не умея плавать. Он сам виноват.

– У нас за спасение утопающего медаль дают. А если ребёнок? Если тонет ребёнок?

– Его могут спасти только его родители или те, кого они наняли за плату: няня, гувернёр, телохранитель.

– Это ужасно.

– Это закон.

– А муж свою жену может спасти? Содержать?

– Да, конечно. Это ведь не просто так. Муж от жены тоже

получает много. Так что они всегда должны один другому. Это взаимовыгодно. – Татьяна Васильевна опять покосилась на мальчика. – Ну, жена ведёт домашнее хозяйство, готовит, убирает дом. Всё такое.

– Да, я понимаю, о чём Вы, – ухмыльнулся Дэн. – Я знаю об отношениях мужчины и женщины. Я уже не маленький.

– Да? Да! Конечно. Конечно, не маленький. Просто Виталик не мог интересоваться такими вопросами.

– Я знаю.

– Откуда?

– Познакомился на пляже с одной милой девочкой по имени Даша, – Дэн невольно потёр щеку. Нет, синяка похоже не будет, обошлось.

– А, Дашенька. Наша соседка. И что же вас натолкнуло на столь щекотливую тему?

– Да так, – смутился Денис, – к слову пришлось.

– Я надеюсь, что ты не рассказывал там лишнего?

– Увы, я не думал, что у вас всё так серьёзно.

– Плохо, – забеспокоилась Татьяна Васильевна.

– Я не думаю, что Даша будет об этом болтать. Не сейчас, может, позже.

– Ты уверен?

– Как я могу быть уверен?

– Вы говорили о... дружбе?

– Да, немного.

– Как она отреагировала?

– Затыкала мне рот, и обзывала психом.

– Плохо. Вас могли слышать.

– Её мобильный телефон очень вовремя разрядился. Но часть беседы всё же... Вас действительно постоянно прослушивают?

– Есть такое мнение. Говорят, в основном это делают компьютеры, настроенные на определённые слова. Если такие слова будут услышаны, тогда уже работники комитета будут вести пристальное наблюдение.

– Не знаю. – Дэн задумался, вспоминая разговор на пляже. – Пожалуй, ничего такого я не сказал. Но это – на мой взгляд, я ещё не так много знаю. Скажите, Татьяна Васильевна...

– Денис, – женщина поморщилась, – давай заключим соглашение. Тебе придётся жить у нас неопределённое время, пока мы не сможем выяснить, что с тобой произошло и как тебе помочь. Нам придётся встречаться с другими людьми, перед которыми не стоит афишировать твоё сегодняшнее состояние. На людях тебе придётся называть меня мамой, а Ивана – папой и отзываться на имя Виталий. Тебе надо к этому привыкнуть, но, если для тебя это тяжело называй меня: «мама Таня» или просто Татьяна. У нас часто дети твоего возраста называют родителей по имени. Правда, все считают тебя роботом, они ведут себя так, как нравится родителям. Но мы можем сказать, что сами запрограммировали тебя так, чтобы подчеркнуть, что ты вырос.

– Соглашение ведь должно быть выгодно и вам. Зачем это вам, ведь вы знаете, что я не ваш сын?

– Мы с Иваном мечтали о ребёнке. Да, ты не наш родной сын, но мы будем счастливы, иметь сына, пусть это почти игра. Так что соглашение обоюдное. Можно сказать этичное.

– Хорошо. Я постараюсь. – Дэн задумался. – Я Виталий Ковальчук, что-то мне это напоминает, я уже слышал это имя. Впрочем, не такое уж редкое, должно быть, сочетание. Татьяна, я как раз хотел задать Вам личный вопрос.

– Тебе.

– Что?

– Задать *тебе* вопрос, – она выделила слово «тебе». – Об обращении «на Вы» тоже нужно забыть.

– Это сложнее. Привычка. – Дэн вздохнул, – Таня, скажи... это ужасно! Мне так неловко! Надо, действительно, потренироваться. Кажется, мне сложнее выполнять условия нашего соглашения. – Дэн поднялся и снова сел. – Скажи, Таня, как у вас насчёт любви? Я имею в виду, люди женятся по любви? Или и здесь у вас что-то не так?

– Взаимное влечение, конечно, играет свою роль, хотя любовь это редко называют. Но это не считается поводом для свадьбы. У нас хорошим браком принято считать брак по расчёту. Говорят: составить удачную партию.

– Это мне знакомо. У нас такое тоже встречается. Правда, многие этого не одобряют. Скажите... скажи, почему вы не завели второго ребёнка? Вы не бедствуете. У вас шикарный

дом, все условия.

– Мы... – Татьяна запнулась на слове, – нам не разрешили.

– Как это не разрешили? Кто?

– Комитет. Они посчитали, что мы слишком эмоционально отнеслись к нашему сыну. Что мы вели себя неэтично после смерти ребёнка. Игнорировали работу, свои интересы. Это было наказание по решению комитета по этике. Нам запретили иметь детей и принудили завести робота – клона нашего сына.

– Это... у меня нет слов. Прости, что я спросил.

– Ничего. Ты имеешь право знать, – Татьяна встала. – Пойдём, скоро Иван вернётся с работы и потеряет нас, не будем его пугать.

Дома Дэн уселся за компьютер. Нашёл кодекс по этике и углубился в чтение. Часа два он пытался прорваться сквозь непонятные юридические термины и бюрократический язык. Очень мешало огромное количество перекрёстных ссылок на всякие решения и постановления правительства и комитета по этике. Нового он узнал мало. Удивило его только то, что КЭТ оказался международной межправительственной организацией. Значит, эта этика не только в России, но и по всему миру правит.

Дэн не мог не видеть определённую логику и достижения местной этики, но и принять её не мог. Быть может, в этом мире больше порядка, на первый взгляд больше справедливости, но многое Дэну было невозможно принять. Уже лёжа

в постели, он на грани сна и яви долго спорил сам с собой, приводя доводы за и против.

Глава 5

Дэн опять проснулся рано, перед самым рассветом. Здесь это становилось традицией. То ли свет из окна в крыше падал прямо на кровать, то ли Виталик был запрограммирован вставать так рано – ему-то было всё равно. Дэн поворочался в постели – спать больше не хотелось. А, пожалуй, пора на пляж. Дашка наверняка не пропустит своё утреннее купание. Интересно, как она себя поведёт? Дэн ухмыльнулся – ему было бы неловко, попади он в такую нелепую ситуацию как у неё. Он вылез из-под тонкого одеяла, убежал умываться. Вернувшись в комнату, открыл шкаф. Да уж. Родители явно не бедствовали. Одежды у Виталика было много – полный шкаф. Зачем она ему? Наверняка ему было совершенно всё равно, что носить. «Это они не для него покупали, а для себя, – догадался Дэн. – Этика этикой, а нормальному человеку в радость заботиться о собственном ребёнке. Наверное, даже если он робот».

Впрочем, Дэну это было только на пользу. «Так. Мне нужны плавки. – Дэн покопался в ящиках. – Вот и они. Маленькие какие-то. Налезут ли? – Дэн разделся и прежде, чем натянуть плавки, задержался перед зеркалом, обнаруженным на внутренней стороне дверцы шкафа. Покрутился, оглядывая себя со всех сторон. – Да. Сильно я изменился за несколько дней, – он покачал головой. Потом ему стало

неловко – рассматривает в зеркале почти незнакомого ему голого мальчишку, и он быстро натянул плавки. Плавки были как раз в пору. – Мелковат этот Виталик. Вроде бы ровесник. Впрочем, сейчас это я мелковат, пора бы и привыкнуть. Чёрт, зачем мне привыкать? Мне бы вернуться! Кто бы ещё сказал – как?» Подходящие шорты Дэн нашёл быстро, а вот из множества футболок выбрать было почти нечего – все какие-то скучные. Не в его вкусе. У Виталика своих желаний нету, но у родителей-то должна быть фантазия. А тут... После недолгих сомнений Дэн выбрал единственную приличную – тёмно-синюю майку с яркой надписью: «be strong». Вполне в местном духе.

На пляж он снова пришёл первым – кругом ни души. Он сел на песок, скрестив ноги, и приготовился ждать. Ждать не пришлось. Даша также как вчера, не здороваясь и не говоря ни слова, даже не взглянув на Дэна, прошла мимо него. Остановилась чуть впереди и начала раздеваться.

– У меня дежа вю¹? – пробормотал Дэн, но так чтобы девочка его услышала.

Она и ухом не повела. Сняла майку, шорты и осталась в синем купальнике с белыми полосками. Совсем в тон с выбранной Дэном майкой. Девчонка, полностью проигнориро-

¹ Дежавю или дежа вю (фр. déjà vu, уже виденное) – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, подобном месте, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем. В данном контексте – точное повторение того, что уже было.

вав Дэна, с разбегу прыгнула в воду. Дэн хмыкнул, быстро стянул майку и шорты и последовал за ней. Долго он не выдержал – вода оказалась на удивление холодной. Видимо, озеро подпитывали подземные ключи. Когда Даша не спеша вышла на берег, Дэн уже ждал её, стуча зубами от холода. Она тщательно вытерлась, но полотенце мальчику не предложила. «Конечно, эта их хваленая этика не позволяет помогать другим. Даже если спрошу – откажет», – Дэн помахал руками, чтобы согреться, стало теплее.

Даша достала из сумки книжку, бросила рядом с собой на песок и отвернулась, села на расстеленное полотенце. «Вот значит как! Даже разговаривать не желает. А мне вчера показалось... Дурак, вот и показалось! – Дэн начал злиться. Подобрал книжку, прочёл название: «Учебник этики для первого класса». Пролистал, изучил оглавление. – Дурацкая этика! – Дэн задумался, – А, ведь...».

– Скажи, Даша, у тебя ведь, наверное, пятёрка по этике?

– Естественно, – фыркнула девочка, – но если ты надеешься, что я буду тебе помогать...

– Нет. Что ты! Как я могу на это надеяться, мне ведь нечем тебе заплатить.

– Кто бы сомневался, – в глоссе её послышалось нескрываемое презрение.

– Ты взяла с собой мобильный телефон? – Дэн закипал всё больше, но сдерживал себя и говорил спокойно.

– Не взяла. От такого как ты всяких гадостей наслуша-

ешься. Потом неприятности будут.

– Умная девочка, – Даша только фыркнула, а Дэн криво ухмыльнулся.

– Ответь только на один вопрос, как отличница, что бывает за неэтичное поведение?

– Да, тебе стоит об этом побеспокоиться. Очень плохо бывает!

– Я вот думаю, – внешне спокойно продолжил Дэн, стоя за спиной девочки, – донести на тебя в комитет по этике.

– На меня? – она резко обернулась, Дэн постарался принять спокойный независимый вид. – Да ты с ума сошёл? Это ты тут про всякие гадости говорил.

– Ну, я всего лишь говорил – это мелочи, а ты вела себя неэтично.

– Я?! Когда это?

– Короткая у тебя память. Ты вчера меня ударила.

– Я ударила тебя за то...

– За то, что я не предупредил тебя о чём-то? Да? Да! А разве я обязан тебя был предупреждать? Это было не в моих интересах. В моих интересах было молча наблюдать за тобой, мне это понравилось. Ты сама должна была убедиться, что за тобой никто не смотрит. Я повёл себя совершенно этично – строго в свою пользу. А ты меня ударила за этичный поступок, да ещё и ругала всяко. Ты против этичного поведения?

– А... а... – Даша побледнела, – я ошиблась, я была рас-

строена...

– Ну! Разве это оправдывает твоё преступление? Всё это ты расскажешь в комитете. – Девочка ещё сильнее побледнела, Дэну уже стало её жалко. Он, пожалел, что затеял этот разговор, но она сама его спровоцировала своими манерами, теперь расплачивается.

– Виталик, – она закусила губу, сделала над собой усилие, – давай как-нибудь договоримся.

– Какая смена настроения, – Дэну вдруг стало неприятно, он добился своего буквально шантажом.

– Ну, пожалуйста! – попросила Даша. – Что ты хочешь?

– О, я много хочу, – его взгляд скользнул по девочке сверху вниз и обратно.

Его слова и нескромный взгляд убрали бледность с её лица – она покраснела. Дэн несколько секунд боролся сам собой, прокручивая в воображении сцены одна смелее и откровенней другой, но всё-таки одолел соблазн:

– Не бойся, – голос вдруг стал хриплым. – Я не буду спрашивать с тебя абсолютно ничего. И не буду никуда сообщать, естественно. Я обещаю: от меня никто ничего не узнает! Можешь спать спокойно, ты мне ничего не должна. – Он стал одеваться, ругаясь про себя: «Дурак. Зачем наехал на девочку? Она ведёт себя так, как её учили. Но ты-то живёшь по другой этике. Быстро ты перенял их методы».

– Виталик, стой, – она окликнула его, когда он уже поднялся к растущим вдоль берега берёзам.

– Что ещё? – устало спросил он, не оборачиваясь.

– Погоди. Вернись. – Она была в растерянности. – Я не понимаю.

– Что именно? – он неохотно вернулся, но в глаза девочке не смотрел. Ему было совестно.

– Ты точно не станешь на меня доносить?

– Тебя это огорчает?

– Нет. Конечно, нет. Я рада, что ты обещал держать всё в тайне и делаешь это просто так. Я уверена ты сделаешь, так как обещал. Но ведь ты мог потребовать от меня ну... ну, хоть чего-нибудь. Я даже боюсь предположить. Так поступил бы любой на твоём месте. Большинство бы ещё и отчаянно торговались, желая получить как можно больше. Честно сказать, я неожиданно оказалась в очень трудном положении.

– Не преувеличивай.

– Ты такой странный. Ты что, не знаешь, что такое комитет?! Если комитет начнёт разбирать дело – это уже плохо. Даже если они тебя оправдают, это уже пятно в биографии. А у меня брата обвинили в неэтичном поведении. Моя семья считается неблагонадёжной.

– Я не собираюсь с тобой торговаться, и не собираюсь никому ничего рассказывать. – Дэн был сердит на самого себя, а потому слова его звучали грубо и вызывающе. – Делаю это абсолютно бескорыстно, если тебе знакомо это слово. Можешь сообщить об этом в комитет. Адрес подсказать?

– Тише, чего ты кричишь! Я хочу понять.

– Хочешь понять? – крикнул Дэн, потом взял себя в руки. – Не уверен, что смогу объяснить. Я бы и сам хотел понять, как при такой людоедской этике, этике торгашей и шантажистов, вы ещё как-то живёте. И даже неплохо живёте, в достатке.

Даша в ужасе зажала руками уши.

– Меня отправят в лагерь только за то, что я с тобой разговаривала.

– Ну, так я пойду.

– Нет. Не уходи. Ты такой странный. Как ты это делаешь?

– Что именно?

– Всё ставишь с ног на голову.

– Представь, – Дэн хотел сесть на песок, но передумал – шорты намокли от плавок. Даша пододвинулась, давая ему место рядом на полотенце. Он поколебался, но сел. – Хм, давай поставим всё с ног на голову. Представь, что ты поймала меня на некотором неэтичном поступке. У тебя есть выбор: сообщить в комитет – это не принесёт тебе особой выгоды, но зато безопасно, а можно поторговаться – это полностью соответствует вашей этике, выторговать себе побольше всего. Это достойный выбор. Как бы ты поступила? Только честно. Без вранья.

– Я бы, наверное, торговалась.

– Ну, если уж, честный разговор пошёл, – Дэн покосился на девочку, – что бы ты с меня спросила?

– С тебя? – на щеках Даши выступил румянец. – Я бы при-

думала что-нибудь неприятное, чтобы отомстить. Знаю, на что ты намекаешь, но вообще я, в отличие от вас мальчишек, о подобных глупостях не думаю. Так что, если бы мы с тобой до этого не столкнулись, мне пришлось бы поломать голову. Может, если совсем ничего от человека не нужно, или нечего с него взять, я бы выбрала первый вариант. Безопасный.

– Честно. Спасибо.

– И что?

– Хм, – ухмыльнулся Дэн, – вернёмся к нашей ситуации. Представь, что я поступаю точно по твоему выбору. Буду торговаться и потребую с тебя, в лучшем случае повторения вчерашнего. Я ведь мальчишка, у меня всякие глупости на уме. А в худшем случае... – Дэн сделал паузу, Даша покраснела, потом побледнела. – Ты, конечно, будешь упираться, но уверен из-за страха перед комитетом, на некоторые уступки пойдёшь. Тебе бы понравилось такое развитие событий?

– Конечно, нет. Не понравилось бы. Но ведь я сама виновата. Это была моя ошибка.

– Твоя ошибка? Скорее это была нелепая случайность. Ну да, ты могла быть осторожнее, внимательнее и не попала бы в такую неловкую ситуацию. Но ведь ты за это и поплатилась, в смысле пострадала. Да и я повёл себя не лучшим образом. Сначала я растерялся – это было так неожиданно. Но потом я мог отвернуться или хотя бы закрыть глаза. Это было бы честно и порядочно, этично с моей точки зрения. Увы, я поступил не так. Ты очень красивая девушка, мне понравилось

то, что я видел, извини, если тебе неприятно это слышать. Но, поскольку у нас завязался откровенный разговор...

– Кое-что в твоих словах мне нравится.

– Если честно, то мне стыдно за своё поведение. И в то же время я не уверен, что повторюсь всё, я поступил бы по-другому. Я обычный человек, я далеко не всегда поступаю правильно... Так, о чем я? Да. На мой взгляд, это была случайность, и я повёл себя не лучшим образом. И хотя такое поведение было конечно в моих интересах, даже ты воспитанная на вашей этике, была этим возмущена. Я с твоим возмущением согласен, э... отчасти. И чувствовал себя виноватым. Ошиблась *ты*, а виноватым чувствовал себя *я*. Вот как бывает! Ты, наверное, уловила моё чувство вины и ударила меня. Я тебя понимаю и не осуждаю, хотя вот это мне совсем не понравилось. Я просто ставлю себя на твоё место и понимаю твои чувства. Вот смотри. Мы рассмотрели ситуацию с двух сторон, и с одной ты чувствуешь себя очень довольной, а с другой совершенно несчастной. А ведь ты один и тот же человек. Ты оцениваешь один и тот же поступок. Делать всё, чтобы тебе было хорошо, и плевать, как это отражается на других – это этика достойная крокодила. А я хочу быть человеком. Я человек, я способен проявлять сострадание, бескорыстие и даже самоотверженность.

– Но, если ты всё делаешь бескорыстно, что будешь иметь ты сам? Как ты будешь жить?

– Ну почему же всё, – смутился Дэн. – Мы далеко не всё

делаем бескорыстно. Мы точно также получаем вознаграждение, это нормально, это даже приветствуется. Просто мы не возводим этот принцип в абсолюте. Только ситхи всё возводят в абсолюте², а я всегда хотел быть джедаем.

– Кем?

– Это герои одного фильма, ты не могла его видеть. Неважно. Выбор! Я делаю его сам. Бывают ситуации, когда человеку нужна помощь, за которую он не может расплатиться. Бывает, когда человек попал в беду. Тогда и проявляются те качества, которые присущи настоящему человеку. У нас людей, способных жертвовать своими интересами, иногда даже жизнью, ради других, называют героями. Про них книжки пишут, кино снимают. Миллионы мальчишек хотят быть на них похожими. – Дэн сбился. – Я наверно непонятно объясняю.

– Не очень, – вздохнула Даша. – Как можно жить, если вокруг все такие странные.

– Э... – смутился Дэн, – вовсе не все и далеко не всегда. У нас полно таких, как у вас, которые ни о ком кроме себя думать не могут. Только у нас именно такое поведение считается неэтичным. Но никто свою этику другим не навязывает, не возводит её в ранг закона. Человек волен сам выбирать свою этику поведения. Вот скажи, если человек украл

² Денис цитирует слова магистра Оби-Вана Кеноби из фильма «Месть ситхов» – третьего эпизода фантастической саги «Звёздные войны». (В оригинале: *Only a Sith deals in absolutes.*)

деньги, его накажут?

– Если тот, у кого он их украл, заявит в полицию и оплатит его поиски, тогда да, его найдут и накажут. Он будет вынужден возместить весь ущерб.

– А если не заплатит, его и искать не будут?

– Конечно, не будут. Кто же будет искать бесплатно. А если тот уже все деньги потратил, получится, что полиция бесплатно работала.

– Но ведь он преступник!

– Что значит преступник, вор действовал в своих интересах, его можно понять.

– Опять та же история. Его можно понять, когда ты представляешь себя на стороне вора, а представив, что тебя обобрали до нитки, ты не будешь столь снисходительна к нему. И не говори, что ты сама виновата, раз позволила себя обокрасть. Мне кажется, у вас лучше всех живут самые хитрые, бессовестные и бессердечные жулики.

– Конечно. А у вас?

– У нас тоже, – Денис сник. – У нас совсем не идеальный мир, у нас тоже много всякой гадости, и с каждым годом становится хуже. Как бы и нам не стать такими же, как вы. Но я совсем не хочу походить на этих жуликов и никакого их богатства мне не надо.

– Я вижу, для тебя это очень важно, – Даша смутилась. – Но я всё-таки не совсем понимаю.

– Ничего, Даша, это не страшно. Всему своё время. А, воз-

можно, тебе и не надо. Даже опасно понимать. – Дэн помолчал. – Даш, прости меня, за то, что я пугал тебя комитетом. Я разозлился на твоё поведение с утра. Я был неправ.

– Ты с меня ничего не потребовал, а теперь ещё и прощения просишь?

– Да прошу. За то, что расстроил тебя, за то, что напугал тебя. Я этого вовсе не хотел, мне это не нужно. Даже наоборот, я хотел наладить с тобой нормальные дружеские отношения.

– Тише, прошу тебя, – Даша вздрогнула и оглянулась. – Денис, кажется, для тебя эти слова значат, что-то хорошее, но для меня это опасные ругательства.

– О, ты вспомнила моё имя. Выходит, всё не так безнадежно. Но ты права – я опять виноват. Я постараюсь себя контролировать. Специально для тебя.

– И что я буду должна? – подозрительно спросила Даша.

– Ничего. Делай что хочешь.

Даша надолго замолчала. Размышляла, качала головой, искоса поглядывала на Дениса.

– А почему ты уверен, что я не воспользуюсь твоим поведением, и не буду спрашивать с тебя всё больше и всё бесплатно?

– Я совсем в этом не уверен. Но я ведь тоже не безмозглый робот, – Дэн засмеялся, – ну да, не робот! Я ведь сообщаю. Я вовсе не обещаю тебе выполнять все твои капризы. Просто ты можешь обратиться ко мне с просьбой, и я решу,

выполнять мне её или нет. И буду я за это спрашивать что-то с тебя или нет, решать буду тоже я.

– Так это почти, то же самое, разница только в размере вознаграждения.

– Почти, да не совсем. Всё ж таки решать буду я, и никто не принуждает меня торговаться до умопомрачения. А ведь бывают ситуации, когда не о чем даже думать. Вот если бы ты тонула, я бы бросился тебя спасать без всяких вопросов. Я знаю, у вас так нельзя.

– Я замечательно плаваю.

– Значит, мне не повезло, – улыбнулся Дэн, – так хотелось тебя спасти.

– Серьёзно?

– Ой, Даша, – захохотал Дэн, – это шутка. Не стоит топиться, чтобы это проверить. Пойдём лучше ещё искупаемся.

Глава 6

Когда Дэн вернулся домой, Татьяна Васильевна готовила обед.

– Здравствуй, обед пока не готов. Придётся немного обождать.

– Давай помогу.

– Нет, что ты. Зачем?

– Я же должен выполнять домашнюю работу. Дай нож, с этой картошкой я вполне справлюсь.

– Держи. Только осторожно, не порежься.

– Мама, я уже большой мальчик.

– Ты... – она глубоко вздохнула, – конечно, Виталик.

Дело пошло быстро. Через час обед был готов. Татьяна достала из шкафа пакет с конфетами, протянула его Дэну.

– Держи. Ты заработал.

– Я же... – начал было возражать Дэн, но замолчал, когда Татьяна поднесла палец к губам и помотала головой.

– Мы ведь так договаривались, – сказала она.

– Нет. Мы же договаривались на шоколадные, – хитро улыбнулся Дэн, – а это ириски.

– Точно, – засмеялась Татьяна, поменяв пакет на коробку шоколадных конфет, – тебя не проведёшь. – Она разлохматила ему волосы на голове. – Молодец.

Дэн только улыбнулся, покрутил пальцем в воздухе, наме-

кая на подслушивающие устройства, и развёл руками.

Они сели обедать все вместе, когда Иван Сергеевич вернулся с работы. Дэн был задумчив. Родители молчали, искомса поглядывали на сына. Не могли привыкнуть к его новому поведению.

– Мама, папа, – дома Дэн теперь называл родителей Виталика только так, – а что наши законы говорят о наследстве?

– О наследстве? – муж с женой переглянулись. – А почему тебя это интересует? Мы вроде не старые?

– Чисто теоретически! – Дэн с укоризной посмотрел на родителей. Демонстративно осмотрел потолок и, глядя вверх, громко произнёс: – Я в последние дни много изучал этический кодекс. Такая замечательная вещь. Так всё справедливо устроено. – Он перевёл взгляд на Ивана: – А про наследство как-то ничего не нашёл. Расскажите.

– Конечно, Виталик, – Иван тоже взглянул на светильник над столом, почесал щёку. – Наследование у нас тоже весьма справедливое. В духе этического кодекса. Более-менее полно могут наследовать имущество только супруги. Считается, что они ведут общее хозяйство и зарабатывают своё имущество вместе. Дети наследуют только часть имущества, и эта часть зависит от возраста.

– Чем меньше лет, тем больше?

– Верно. Молодец. Совершеннолетние дети не наследуют почти ничего. Они могут претендовать на дом, если они в нём проживали в данный момент. И, собственно, всё.

Остальное несущественно.

– Чтобы дети даже богатых родителей вынуждены были зарабатывать сами?

– Точно. Этика должна соблюдаться всегда, быть универсальной. Каждый зарабатывает сам и получает то, что заслужил.

– Это действительно справедливо, – Дэн стал серьёзен. – А иначе молодёжь могла бы вообще ни о чём не заботиться. Плохо учиться, не приобретать никакой профессии. Вместо этого пить и гулять целыми днями.

– Неужели такое возможно? – спросила Татьяна.

– Увы. Очень даже возможно. И это ужасно. Это приводит к самым печальным последствиям и для этих детей, их родителей, и для всего общества в целом.

– Кстати, интеллектуальная собственность не наследуется вовсе. Никогда, – добавил Иван. – Это изобретения, книги, открытия и тому подобные вещи. Результаты творчества.

– Да, понимаю, – Дэн опять задумался. – Это тоже правильно.

Обед завершился в молчании.

Полторы недели Дэн прожил замечательно. Утром – пляж, вечером: беседы с родителями, компьютер, телевизор. Впрочем, телевизор Дэну быстро надоел – телепередачи не отличались особым разнообразием. Как правило показывали фильмы про удачливых жуликов, или про бандитов, укравших деньги и потом перессорившихся из-за них. Обычно в

конец оставался один, который получал всё. Это и был счастливый конец по местным понятиям. Дэн высказался, что он такие фильмы видел и раньше, и немало. Ещё шли бесконечные сериалы о том, как влиятельный пострадавший нанимал частного детектива или полицию, и те долго и дорого, серия за серией преследовали преступников с переменным успехом. Вероятно, в финале всё похищенное должно было вернуться хозяину, к его нескрываемой радости и счастью. Такой сюжет Дэна также не удивил, и ни один сериал он так и не досмотрел.

Дэн помогал Татьяне по дому, а заработанные конфеты и шоколадки тихонько складывал обратно в шкаф. Разумеется, его хитрость была раскрыта, но вслух о ней не говорили. Впрочем, коробку конфет, полученную за первую чистку картошки, Дэн не вернул. Утащил её на пляж.

Забавно было смотреть, как Даша смущается от простых и самых обычных для Дэна поступков. В тот день Дэн опоздал. Когда он пришёл, Даша уже плескалась в воде. Дэн, быстро скинув шорты и майку, с разбегу нырнул в озеро.

– Чего меня не дождалась?

– Я же всегда дольше купаюсь. Вместе на берег пойдём.

– Тут вода ледяная. Но ты правильно придумала.

– Хорошая тут вода, ты просто... не привык.

После первых, не самых удачных, полных конфликтов дней знакомства Дэн опасался: Даша вообще не захочет больше приходить на пляж. Или будет держаться отчуждён-

но или со страхом. Поставив себя на её место, он решил, что сам вряд ли с большим удовольствием продолжил бы такое знакомство. Но Даша оказалась девушкой с характером. Она делала вид, что давно знакома с Дэном и между ними никогда не было и тени непонимания. Естественно, Дэн ни о чём ей не напоминал.

Дэн достал из сумки, с которой он теперь ходил на пляж, полотенце и тщательно вытерся. Из той же сумки на свет появилась коробка конфет, Дэн открыл её и положил на расстеленное Дашей полотенце.

– Угощайся.

– Что я...

– Ничего. Это просто так. Даром.

– Я не могу.

– Наоборот. Ты не можешь отказаться. Что может быть выгодней для тебя, чем получить что-то даром?

– Да. Но ты... получается, что ты нарушаешь закон.

– Тебя это беспокоит? Ты ведь не нарушаешь. Тебе нечего бояться.

– Не знаю, – Даша задумалась, – меня не должно это волновать, но почему-то мне не безразлично. Я с тобой с ума сойду, и для меня всё закончится плохо.

– Да, ты уж будь аккуратней. Не стоит вести себя с другими так, как со мной. Если ты где-нибудь проговоришься или сделаешь что не так, я буду чувствовать себя виноватым.

– Почему так? Я раньше никогда не беспокоилась ни о

ком, кроме родителей. Ну, может, о брате немного.

– Это у нас называется дружбой. Ты бери конфеты, я всё равно все ваши законы нарушаю – хуже не будет. А тебе нельзя.

– Ты опять? – она вздрогнула, огляделась. Взяла конфету и сунула её в рот.

– Что? А, ты об этом. Ну, если другого слова подобрать нельзя. Вот мне, например, приятно угощать тебя конфетами и делать это просто так. Мне нравится, что ты радуешься, а не плачешь, что ты смеёшься, а не трясёшься от страха. Мне это просто нравится, и для того, чтобы так и продолжалось, я могу совершать некоторые поступки. Если смотреть вглубь, я делаю это для себя – мне нравится так делать. Просто ваша этика заставляет меня получить какую-нибудь осязаемую выгоду, которую, можно измерить. Нравится – не нравится, в расчёт не принимается. А ведь у человека кроме тела душа имеется, нельзя всё мерить материальными ценностями.

– А почему я чувствую беспокойство?

– Да, это тоже неизбежная часть. Радость любви или дружбы, часто сопровождается беспокойством за других людей. Мне кажется, это того стоит.

– Не знаю. Не сказала бы, что мне нравится переживать за других.

– Но ведь ты здесь. Ты готова разговаривать со мной, купаться, вместе проводить время. Ты делаешь свой выбор,

несмотря на беспокойство и прочие препятствия. Почему?

– Не знаю. Наверное, что-то в этом есть. Чего я сама ещё не понимаю. Мне нравится приходить сюда, когда ты здесь. – Она смущённо замолчала. – Не надо было мне этого говорить.

В общем, дела у Дэна шли совсем не так плохо. Полторы недели. А потом, придя домой, он застал родителей встревоженными и странно молчаливыми.

– Что-то случилось?

– Ничего страшного не случилось, – супруги переглянулись.

– И всё-таки?

– Нас вызывают в КЭТ. Завтра к трём часам дня.

– Это необычно? – Дэн сел, в животе у него сжался холодный комок.

– И да и нет. Нас вызывают регулярно раз в год. Но обычно только нас двоих. Сейчас нас ждут всех вместе. Вместе с тобой.

Дэн рассеяно кивнул, словно каким-то своим мыслям.

– Не стоит волноваться. Мы все вели себя строго по закону, – сказал он громко. – Мама, а где у нас видео, где мы все вместе. Что-нибудь из последнего я бы посмотрел.

– На компьютере есть записи, – она непонимающе посмотрела на Дэна, тот в ответ только успокаивающе улыбнулся.

Действительно, на компьютере нашлось несколько видеозаписей. К сожалению, не слишком новых, но это было не

так уж важно. Дэн пристально наблюдал за Виталиком. Ему придётся изображать из себя робота, а он так мало о нём знает. Татьяна подсела к нему, наблюдая за его действиями.

– Какие замечательные записи. Помнишь, как папа снимал нас с тобой возле дома? Завтра, когда вернёмся из комитета, надо будет ещё поснимать побольше видео. А то у вас так мало записей со мной.

– Конечно, Виталик, обязательно так и сделаем, – она обняла его за плечи. – У нас и впрямь мало твоих записей.

«Конечно, мало, – думал Дэн, – поведение робота не отличалось большим разнообразием. Однако это к лучшему, ведь теперь этот робот – я. Мне придётся вести себя точно так же. Главное, чтобы они ограничились беседой. Плохо будет, если в комитете решат добраться до этой штуки», – Дэн почесал затылок, нащупав маленький металлический разъем под волосами.

– А чего откладывать на завтра, – воскликнул Дэн, – пойдёмте погуляем. На улице чудесная погода.

Никто и не думал возражать. Через десять минут всё семейство неторопливо вышагивало по тенистой тропинке. Объектив камеры в руках Ивана неотрывно следил за младшим Ковальчуком.

– Не стоит так усердствовать, – сказал Дэн, когда они удалились от дома на значительное расстояние. – Надеюсь, у нас ещё будет время. Я просто хотел задать один вопрос.

– Неизвестно, когда мы ещё соберёмся поснимать видео, –

Иван Сергеевич с сожалением выключил камеру. – Мы рассчитываем, что когда-нибудь мы сумеем понять, что с тобой случилось, и ты сможешь вернуться домой. Мы будем скучать. Нам бы хотелось иметь записи вместе с тобой.

– Жаль, при любом раскладе я не смогу взять с собой копии этих съёмок, – Дэн вздохнул.

– Так, что ты хотел спросить?

– Помните, когда я только появился в вашем доме, вы проносили какой-то код. Вы им часто пользовались?

– Нет. Только однажды в самом начале, когда записывали программу. Но его заставляют учить наизусть. На всякий случай.

– Как я должен был среагировать?

– Хм, если я правильно помню, ты должен был сказать: «Персональный код принят». Да, точно.

– После этого что? Выполнять все команды как можно точнее? Есть ли какие-то специальные команды?

– Нет. Команды подаются в свободной форме. Ты полагаешь...

– Я просто так, для информации. Лучше быть готовым ко всему. А есть ли какая команда, чтобы вернуться к обычному состоянию?

– Да. Нужно повторить персональный код и добавить: «Рабочий режим». Ты должен ответить: «Переключение в рабочий режим».

Дэн задал ещё несколько вопросов, но основное, что его

интересовало, он узнал. Он очень надеялся, что ему эти знания никогда не пригодятся. Дэн чувствовал трепет и беспокойство, но очень старался выглядеть весёлым и беспечным.

На следующий день родители попросили его никуда не уходить и дождаться их. Дэн не послушал. Ему непременно нужно было поговорить с Дашей. Как там, в КЭТ оно обернётся, никто не знает, он должен её предупредить. Дэн начал сходу, без подготовки:

– Даша, меня вместе с родителями вызывают в КЭТ.

– Зачем? – она выглядела испуганной.

– Я не знаю. Скорее всего, обычная проверка.

– Они ничего не делают просто так. Я боюсь.

– Не бойся. О наших с тобой разговорах никто не знает.

Если вдруг тебя будут спрашивать, ты должна говорить, что этот робот Виталик тебе неинтересен, и ты не обращаешь на него никакого внимания.

– Я не этого боюсь. Неважно. Ты просто никогда там не был. Они такие... страшные. Мне плохо только от одного их вида. Даже только от воспоминаний о них. Нас всех вызывали тогда на беседу из-за брата.

– Слушай, я давно хотел спросить. Если не секрет, конечно. Что случилось с твоим братом?

– Дурак он, вот что, – Даша поморщилась. – Шёл по улице, видит, мальчишка лет восьми залез на дерево. Мальчишка этот не удержался и свалился, а Дима взял и поймал его. Он говорит, даже сам не понял, как это случилось.

– И что?

– Ничего, – разозлилась Даша, – мамаша этого пацана и донесла в комитет, что Димка его спас.

– Дурдом. И за это его судят?

– Да ждёт суда под арестом. Уже скоро.

– Что ему грозит?

– Говорят, что всё не так плохо. Пытаются доказать, что это случайность была, что пацан этот ему почти на голову свалился, он только руки от неожиданности выставил. Теперь всё от судьи зависит. Может, даже отпустят, но из института его уже отчислили. И родителям досталось.

– Дурдом, – повторил Дэн. – Сочувствую. Чтоб и у тебя неприятностей не было ты крепко запомни: я робот Виталик, и я тебя не интересую, ну вот ни капельки. Будто меня нет. Если спросят, делай вид, что не сразу вспомнила, о ком вообще речь идёт.

– Я постараюсь.

– Даша, если я завтра на пляж не приду... значит... значит не смог, ты уж извини. – Дэн собрался уходить.

– Дэн, – окликнула его Даша, он обернулся. – Удачи, Денис.

Глава 7

В начале третьего часа Иван Сергеевич подъехал на машине. Дэн попросился на переднее сиденье – он хотел посмотреть город. До сего дня он видел только дом Ковальчуков, озеро да вдали крыши соседских домов среди зелени. Татьяна Васильевна легко уступила своё место и села позади, некоторое время ехали молча. Вскоре начался город. Он оказался совсем не таким, как ожидал Дэн. Город почти не отличался от того пригорода, где жили родители. Всё было засажено деревьями, кустами. Дома высовывались словно белые скалы посреди леса. Только строения были побольше, чем дом родителей Виталика, многоэтажные, хоть и не слишком высокие. Шоссе пусть и выглядело довольно широким, не тянулось прямо как стрела, и петляло в тени деревьев. Город Дэну понравился. В самом деле понравился. Пожалуй, он был бы не прочь, если бы все города, которые он знал, были похожи на этот. В родном провинциальном Старом Ельске было немало зелени на улицах, но он вчистую проиграл бы на конкурсе городских насаждений. Зато, казалось, там проживает гораздо больше народу, чем здесь. И это было непонятно, дома стояли редко, их было мало: как же все помещаются в таких городах?

– А сколько людей на земле?

– Всё население? – переспросил Иван. – Очень много, око-

ло пятисот миллионов.

– Пятьсот миллионов?! Это, по-вашему, много?! – Дэн был поражён.

– Конечно. А что, у... – Татьяна положила мужу руку на плечо, и он сдержался. Встретился с ней глазами в зеркале заднего вида и задал другой вопрос: – А сколько, по-твоему, много?

– Шесть миллиардов, – прохрипел всё ещё потрясённый Денис, – шесть миллиардов. Как же... Всем всего хватает, да? Всё справедливо устроено благодаря, этическому кодексу? – он повысил голос, в нём кипела злость. – Нас очень много – пятьсот миллионов!

Иван Сергеевич вздрогнул, и машина вильнула, а Татьяна теперь с силой сжала плечо Дэна.

– Всё хорошо, мама, – опомнился Дэн, – меня, кажется, укачало.

– Может, остановиться?

– Нет, не надо. Сейчас всё пройдёт.

Дэн хмуро уставился в окно и замолчал. Город ему совершенно разонравился, несмотря на всю свою красоту.

Здание местного отделения комитета по этике было серым и мрачным. Дэну оно показалось непропорционально вытянутым и почему-то с редкими и маленькими окнами. «К осаде, что ли, готовятся? – подумал Дэн. – Окна, словно бойницы в старой крепости». У дверей их встретил полицейский и, узнав о причине визита, вызвал провожатого. Их повели

коридором, ярко освещённым холодным люминесцентным светом, затем неширокой гулкой металлической лестницей, потом снова коридором. Перед дверью без всяких табличек их проводник попросил обождать. Он был подчёркнуто вежлив и абсолютно бесстрастен. Выйдя из кабинета, он, к удивлению Дэна, повёл их в другое место. Дэн с родителями шёл молча – обстановка не располагала к беседе. Одному Дэн пока был рад – их не разделили, вели всех вместе. Пусть так будет и дальше. У новой непримечательной двери им пришлось ждать почти четверть часа. Стоя. Стулья в коридоре отсутствовали, только гладкие, выкрашенные серой матовой краской стены. Наконец проводник пригласил их зайти внутрь, а сам остался ждать за дверью. Или, быть может, сторожить?

Дэн зашёл в кабинет последним, за спинами родителей. Когда они расступились, взглянул на человека, сидевшего за столом, и невольно вздрогнул. Он ожидал увидеть такого работника госбезопасности в строгом костюме с галстуком, с суровым лицом, цепкими глазами, с квадратным подбородком. Он полностью обманулся в своих ожиданиях. За столом сидел человек в чёрном плаще, застёгнутом на все пуговицы, в чёрной шляпе, тень от которой падала на лицо. Само лицо было бледное, словно у тяжелобольного, и абсолютно невыразительное, не запоминающееся. Выражение глаз было трудно рассмотреть в тени, а губы человек слегка кривил, словно от недовольства. Его взгляд прошёлся по посетите-

лям. Когда настала очередь Дэна у него мурашки побежали вниз по позвоночнику. «Они такие... страшные. Мне плохо только от одного их вида», – вспомнил Дэн слова Даши.

Стульев не было и в кабинете. Естественно, присесть не предложили. И стены такие же голые и серые нагоняли уныние и тоску. В помещении не было даже окна, и Дэн удивился, что явно не последний в этой конторе человек выбрал себе такой плохой кабинет. Стол перед комитетчиком тоже не походил на рабочее место делового человека, он был почти пуст – только монитор компьютера занимал там центральное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.